

**МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS**

СЕРИЯ
Crème de la Crème

ЯВЛЯЕТСЯ

СОВМЕСТНЫМ ПРОЕКТОМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
Kolonna Publications и Митин Журнал

ББК 84.4 Нем

Alfred Döblin
Die beiden Freundinnen
und ihr Giftmord

Diese Übersetzung wurde durch ein
Aufenthaltsstipendium des Europäischen
Übersetzer-Kollegiums Nordrhein-Westfalen in Straelen
ermöglicht.

Перевод выполнен благодаря стипендии
Европейской коллегии переводчиков в
Штралене (Северный Рейн-Вестфалия, Германия)

В оформлении обложки использован рисунок
Эгона Шиле «Две девушки на одном шлесе» (1911)

Корректор: Ольга Кобрина
Дизайн обложки: Виктория Горбунова
Верстка: Елена Антонова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

ISBN 5-98144-076-7

©1924 Verlag Die Schmiede Berlin
©С. Панков, перевод, 2006
©Митин Журнал, 2006
©Kolonna Publications, 2006

Альфред Дёблин

ПОДРУГИ-
ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Перевод Сергея Панкова

Хорошенькая белокурая Элли Линк приехала в Берлин в 1918 году. Ей было девятнадцать. Еще в Брауншвейге, где ее родители занимались столярным делом, она начала работать парикмахершей и позволила себе маленькую шалость: стащила у одной клиентки из портмоне пять марок. После этого она устроилась на несколько недель на военный завод, потом выучилась во Врицене. Была она легкомысленная и жизнерадостная; в общем, во Врицене она не жила затворницей и любила пирушки в кабаках.

В Берлине она остановилась во Фридрихфельде. Парикмахеру, который взял ее на работу, она показалась девушкой прилежной, честной и очень покладистой. Заметил он и то, что она любила повеселиться. Жила она у него три месяца, пока не вышла замуж. Девятнадцатого ноября в выходные,

прогуливаясь с одной клиенткой, она впервые повстречала молодого столяра Линка.

Характер у Элли был приметный, хотя в нем не было ничего диковинного. Резвая как канарейка, она была полна невинного задора и по-детски радовалась всему. Ей нравилось кружить голову мужчинам. Возможно, кому-то из них от нее кое-что и перепало: ей было любопытно и весело наблюдать за другим существом, за самцом, а потом по-свойски всласть с ним повозиться. Как удивительно, смешно и странно было то, что мужчины принимали все это всерьез и так волновались. Они заводились, с ними можно было покувыркаться, а потом отослать их прочь. И вот появился этот столяр Линк.

Он был серьезный и упрямый малый. Он рассуждал о политике, в которой она ничего не смыслила, и был

отчаянным коммунистом. Он к ней привязался. У нее были такие красивые светлые кудряшки, пышущие здоровьем пухлые щеки, она так радовалась жизни. От ее озорства у него становилось легко на душе. Он решил взять ее в жены. Ему хотелось, чтобы она всегда была под рукой.

Это уже не казалось ей смешным. Линк не был похож на мужчин, с которыми она зналась до него. Он был столяр, как и ее отец; все, что он говорил о работе, было ей хорошо знакомо. Это ее немного сковывало. Она не могла обращаться с ним так же бесцеремонно, как с другими мужчинами. Она чувствовала себя польщенной и счастливой от того, что к ней сватается такой мужчина; она как будто снова вернулась в семью. Но ей еще нужно было измениться; ведь теперь он наложил на нее руку.

Чтобы прощупать почву, она написала домой, что у нее хорошая постоянная работа, и за ней ухаживает столяр

Линк, человек трудолюбивый, с приличным заработком. Родители ее за это похвалили. Отец и мать были довольны. И, хорошенько поразмыслив, Элли решила, что она и впрямь недурна. В общем, она прекрасно ему подходила. Он был готов ее содержать; она должна была стать домохозяйкой. Она думала: брак – это ужасно смешная штука, но приятная; он собирается меня содержать и ему это в радость. Она даже перестала тайком ему изменять.

Линк был целиком в ее власти. Чем дольше они были вместе, тем больше она в этом убеждалась. Поначалу она не придавала этому значения. Все мужчины такие. Но вскоре это стало ей в тягость. Слишком уж это бросалось в глаза, и потом он был таким всегда. И в глубине души у нее росло раздражение: в глубине души она его за это винила. Линк не давал ей жить так, как она привыкла: он, дескать, человек серьезный, как ее отец, и они собираются создать

семью. В ее глазах он скатился до уровня ее прежних любовников. Вернее, еще ниже, ведь он так к ней привязался, вцепился в нее мертвой хваткой. Как же она разозлилась и расстроилась, когда поняла, что с ним можно тоже обращаться бесцеремонно. Он прямо-таки сам на это напрашивался.

Она осталась с ним. Дело уже шло к женитьбе. Но со временем становилось только хуже. Она была на взводе. Этот Линк заморочил ей голову, а она уж возомнила о себе бог весть что. Теперь ей было стыдно за себя, даже перед собой. Втайне она испытывала разочарование.

Иногда на нее находило, у нее случались приступы ярости, и тогда все эти чувства вырывались наружу. Часто она им помыкала. Отдавала ему приказы грозным голосом, орала на него, как на собаку. В такие моменты он приходил в замешательство, ему казалось, что она хочет его бросить.

Временами ей все было нипочем. Он хочет на мне жениться; почему бы и нет. У нее будет свой дом – это нельзя сбрасывать со счетов. А потом ей становилось так тошно; он казался ей таким жалким, что она была готова тут же с ним порвать. Иногда она часами представляла: вот она станет замужней женщиной, и у нее будет такая же семья, как в Брауншвейге, – у мужа хорошая работа, он ее любит, он человек серьезный. В ноябре 1921 года, когда ей шел двадцать один год, а ему было двадцать восемь лет, они поженились.

* * *

Они поселились у матери Линка. Своего дома у них не было. Мать собиралась переехать, но так и не переехала. С сыном она была не слишком ласкова, да и сын не особенно любил мать. Мать решила сразу приструнить невестку. Когда вспыхивали ссоры, Линк

заступался за жену, выгораживал ее. Он ругал мать последними словами. Юная Элли внимательно слушала. Она боялась, что когда-нибудь он и с ней будет так же обращаться. Когда она ему об этом сказала, он буркнул: «Чего ты мелешь?» Когда жалованье мужа сократили и он разрешил ей стричь на дому клиенток, она осмелела и тоже перестала церемониться со свекровью. Теперь по будням она занималась домашними делами и вела хозяйство; только в выходные дни, когда она подрабатывала в лавке, свекровь могла развернуться.

А потом Линк стал все чаще уходить из дома по вечерам, бывало он пропадал несколько вечеров подряд, а брошенная жена сидела дома и жаловалась на то, что он о ней и думать забыл; ему ничем не угодишь. Он вынудил ее выйти за него замуж. Что же произошло?

Его растила мать, которая только и делала, что работала и сердилась. Ему хотелось жить иначе. Но его кудрявая

бесшабашная женушка была к нему совершенно равнодушна, она нисколько не изменилась, все так же капризничала, была то одной, то другой. Порой она сама льнула к нему, порой вообще его не замечала. Она не могла взять в толк: что же он за человек? Он был неотесанный мужлан, ему нравилось называть себя работягой. Ему казалось, что он сможет завладеть ею целиком, сблизившись с ней физически.

Прежде она часто сходилась с мужчинами. Теперь к ней приставал мужчина, от которого она не могла отделаться ни в шутку, ни всерьез, когда все это начинало ей надоедать. Он требовал своего. Он был ее мужем и имел на нее право, и физическая близость не доставляла ей никакого удовольствия. Она просто молча терпела. Она приходила в какое-то возбуждение, но в этом не было ничего приятного. Она принуждала себя отдаваться мужу, поскольку знала, что так положено, но сама предпочла бы,

чтобы этого не было. Она испытывала облегчение, когда, наконец, оставалась в постели одна.

Линк женился на хорошенькой молодой женщине. Ему повезло – она досталась ему. Теперь он себя проклинал. Что же случилось? Она зашла слишком далеко со своим ребячеством, она его не любила. Он мог обхаживать ее целый день, да и тогда она частенько вела себя дурно, но в его объятиях она вообще лежала как мертвая. Он злился на нее. Она не менялась, и он потерял покой. Сколько бы он ни нежничал с ней, как с куклой, едва он хотел взять ее, чтобы овладеть ею целиком, она от него отстранялась, становилась неприступной.

Она замечала, что он недоволен. Это доставляло ей радость. Вызывало злорадство. Ну и пусть, лишь бы он от нее отвязался. А потом она снова чувствовала себя его женой, старалась относиться к нему иначе, но у нее ничего не получалось. Она догадывалась, что

делает все не так, и это ее пугало. Эта мысль свербела у нее в голове, часто заставляла уступать ему. Но от этого она только яснее чувствовала: мне это противно. А после на нее накатывала тошнота.

По вечерам он уходил на свои собрания. Чем больше шума и чем радикальней настрой, тем лучше. Его изводила одна мысль – это было давнее ужасное ощущение ущербности: я для нее недостаточно хорош, она слишком задается. Но тут у него вставали дыбом волосы: уж я-то сумею ее укротить. Больше всего его бесило то, что она была холодна в постели.

* * *

Когда отношения у них разладились, она упала в его глазах. Он был разочарован, женитьба обманула его ожидания: тому, другому сильному человеку, который таился в его душе, Элли не принесла

радости, не вдохнула в него новую жизнь. Она не дала ему проявить любовь и нежную заботу, которую он ощущал с ней на первых порах и из-за которой решил на ней жениться. Это было разочарование сродни тому, какое испытала она, когда почувствовала, что он не тот серьезный мужчина, которому она могла бы подчиниться. Он ругался, устраивал скандалы, но легче ему от этого не становилось. И тогда он решил бороться. На кону была вся его жизнь. Он не хотел сдаваться Элли без боя. Сперва он стал мстить ей за прежние обиды: распоясался, кричал на нее по пустякам. На какое-то время месть принесла облегчение, почти примирила его с ней. Шла первая половина 1921 года. Они были женаты всего несколько месяцев. Ему хотелось быть с ней, со своей хорошенькой и веселой Элли; в его глазах она еще сохраняла былую прелесть, которая напоминала ему о прежних временах. Он не хотел это терять. Он не хотел терять ее.

Он хотел ее любить. Он ступил на скользкую дорожку.

Он сам не знал, почему вышло так, что он стал с ней разнужданным в постели, хотя внутри него все противилось этому. То, что он заставлял ее делать, было грубым, диким, необычным. Обоих это здорово встряхнуло; его словно подменили. Он не мог противиться этой разрушительной силе. Только потом он осознал, что так он обращался прежде со случайными подругами, но теперь в этом было больше пыла, больше страсти. Он хотел потопить свое горе в этой вакханалии. Он хотел наказать Элли, унижить ее, принуждая делать именно то, чем она его обделяла. Ей это не нравится, тем лучше; ее отвращение возбуждало его еще больше, только усиливало влечение. Он входил в раж от ярости. Но в глубине души его ни на минуту не покидало и другое чувство: теперь, когда он перестал скрывать от нее свои старые непотребные привычки, он снова оказался в ее

власти. Он обнажил перед ней все свое нутро. Теперь он заставит ее это принять. Принять его. Уважить его. Раз не вышло иначе, пусть будет так.

Она все понимала. Она догадалась, почему он стал таким. Она даже старалась ему подыграть, так она наказывала себя за то, что оказалась ни на что не годна в постели. Порой она не могла ничего с собой поделаться, ей было так тошно, муж казался грязным, от него как будто смердело. Но как бы страшно и противно ей ни было, она почувяла, что он переменялся и теперь уже ни за что ее не бросит. Почувяла, что он стал прежним жалким любовником, ждущим от нее подачки, просто теперь пресмыкался перед ней на новый лад. Сколько бы он ни буянил, ни ругался, ни бил ее, он только еще больше себя закабалял. И раз уж она не могла отдаться ему по любви ни душой, ни телом – пусть лучше будет так. Ей было страшно, но и немного приятно оттого, что он теперь так

с ней обращался. Ее радовало уже одно то, что он ее домогался и страдал, – ведь это означало, что он без нее не может. И потом, это было не что иное, как продолжение их ссор, своего рода соперничество. Это походило скорее на рукопашную схватку, чем на объятия. Все эти шлепки, нечеловеческие любовные хрипы не имели уже ничего общего с прежними глупыми, убогими нежностями. Он открыл в ее душе новое измерение.

В общем, на таких условиях между ними был заключен ненадежный мир. Он на новый лад привязался к дому и к ней, а ведь это ему и было нужно. Он не бросил ее. Он увлек ее за собой. Чего греха таить: она стала ему ближе. Но это был опасный путь.

Бурными постельными сценами дело не ограничилось. В каждом из них происходили новые перемены. Ночное буйство отбрасывало отблески и на их дневную жизнь. Они оба стали еще

более неуравновешенными, оба жаждали равновесия. Они стали не то более угрюмыми, не то более раздражительными, напряженными. Она наблюдала за ним и ждала, что же с ним произойдет дальше.

Когда ему нужно было выпустить пар, он набрасывался на нее, рвал одежду, переворачивал корзины с бельем. Он сам замечал, что это доставляет ему удовольствие. Пусть учится видеть в нем только хорошее. Он все больше обнажал перед ней свое нутро, и когда его начинали мучить угрызения совести, он успокаивал себя: она заслуживает наказания, а он в доме хозяин. Но временами разочарованный муж, который когда-то хотел начать с Элли новую жизнь, замечал, что он все глубже погружается в прошлое, и не знал, как себя оттуда выволить. Иногда его охватывал ужас. Ему становилось жаль себя, жаль Элли, жаль их брака. Его брала тоска оттого, что все так вышло. Когда он уходил из

дома, все было хорошо. В те месяцы, в разгар первого года супружеской жизни, он почти каждый вечер пропадал в кабаках, бросался с головой в омут радикальных политических идей. И начал пить. Когда он был пьян, он снова чувствовал себя свободным, к нему возвращался былой покой. Тосковать было не о чем. Когда он приходил домой пьяный, его ждала жена. Он мог заставить ее сделать все, что ему заблагорассудится. Пинками или без пинков. И все было хорошо.

Когда он переменялся, Элли присмирела. Ей пришлось отступить. Неужели она была готова капитулировать? В душе у нее вскипала ненависть. Он все чаще распускал руки. Порой ссоры случались в три часа ночи. Теперь это были уже не просто объятия в темноте. Эта разнузданность почти утратила привкус соблазна. Теперь это была неприкрытая жестокость. И когда он на нее наваливался,

даже в самой физической близости не оставалось и намека на чувственность; она ничего не ощущала, кроме омерзения, негодования и ненависти. Ту самую Элли, которая недавно выходила замуж с насмешливой улыбкой, теперь насиловал ее собственный муж.

Мать, с которой они все еще жили, наблюдала за происходящим с интересом и удовольствием. Теперь ее сын уже не заступался за Элли; мать стала травить невестку.

Элли переполняла жгучая ярость. Она хотела уйти от Линка. Когда она говорила ему об этом во время их ежедневных перебранок, он с издевкой бросал ей под ноги дорожную корзину. Элли грозилась, что это добром не кончится, если он будет продолжать в том же духе. Свекровь, грешным делом, побаивалась невестки. Однажды Элли сварила ей кофе. Ей почудилось, будто она уловила какой-то едкий, резкий запах. Она осторожно попробовала кофе

на вкус и почувствовала неприятное жжение на языке. Она тут же накинулась на невестку: ты хочешь меня отравить! Элли сама пригубила кофе и пожалала плечами: со мной ты до ста лет доживешь. Свекровь растрезвонила об этом всем соседям, а заодно и сыну, который от этого совсем помрачнел.

Элли решила, что с нее довольно. Вскоре после этого происшествия, в июне 1921 года, она сбежала к своим родителям в Брауншвейг. Чтобы отомстить мужу, она прихватила все деньги, которые нашла в доме, даже те, что они выручили от продажи его велосипеда, а заодно выгребла всю мелочь из газовых автоматов.

В Брауншвейге она провела две недели. Насколько это было возможно, она рассказала о том, чего ей пришлось натерпеться от мужа. Простодушные родители слушали ее и только качали

головой в недоумении. Разговор об этом заводили редко. Родители считали, что Элли все преувеличивает, что она ведет себя как ребенок, что ей нужно успокоиться. Элли пыталась в одиночку справиться с этими ужасными переживаниями. Чуть ли не через силу она пыталась приспособиться к прежней жизни. Родители ее не поддержали, но она все же старалась настроиться на их спокойный лад.

Тем временем, одинокий угрюмец сидел в своей квартире у матери во Фридрихсфельде. Слушал, как она поносила непутевую жену, которая от них сбежала, и орал на нее. Он злился на мать, на Элли, на самого себя. Сколько бы он ни ругался, он никак не мог оправиться от этого страшного удара. В Браунвшейг от него приходили письма. Когда Элли читала одно из них, она словно слышала голос его матери: какие жуткие скандалы он закатывал ей в Берлине из-за этой несчастной чашки кофе, и

вот теперь он снова завел старую песню: «Пообещай мне, что ты больше никогда не станешь так поступать с моей матерью, и тогда все будет иначе». Свою вину он не признавал, но тон его писем был боязливым и заискивающим. Родители настаивали на том, что ей нужно ехать, ведь он ее ждет. Ей уже немного полегчало. Отец обрадовался, когда она как-то очень робко сообщила о том, что уезжает; она хотела угодить родителям. Мать прикинулась, что не замечает, какой нерешительный вид, какое напряженное выражение на лице у ее веселой доченьки.

Как только она вернулась к нему в Берлин, снова начался ад. Они словно продолжили прерванный разговор. Едва увидев друг друга и убедившись в том, что оба за это время нисколько не изменились, они с жадностью принялись за старое. К тому же, теперь он был зол на нее из-за того, что она сбежала, чувствовал себя опозоренным и

стыдился того, что сам упросил ее вернуться. Ему нужна была компенсация, нужно было с ней расквитаться. Элли все это сносила, но теперь временами ей становилось жаль себя до дрожи. Родителям она была уже не нужна. Он был сильнее и мог бить ее. Она устала от этой бесконечной мучительной борьбы. Она чувствовала, что теряет себя. Она вспоминала о том, как ей жилось когда-то у родителей. О том, какой она была дома и потом, во Врицене, и после того, как уехала оттуда. Так она и сидела, никому не нужная, опостылевшая сама себе, потом ложилась спать, а наутро снова была ко всему готова.

Он начал замечать, что она чем-то недовольна. Это его подхлестнуло. Он был потрясен, это задело его за живое. Он ругался на нее. Чего она ревет? Она сама во всем виновата. Он не мог найти себе места от глухой злобы, к которой примешивались угрызения совести, и порой силой сдерживал былую

нежность. Дальше так продолжаться не могло. Надо было что-то менять. Он сообщил Элли о решении, которое принял, когда она еще была в бегах: они переезжают, будут жить отдельно от матери. Он думал так: вот уедем от матери, и все образуется.

В начале августа 1921 года они сняли меблированную квартиру у фрау Э. на В***штрассе. В те дни они часто выбирались в город вместе. 14 августа Линк взял ее с собой в трактир «Э***», в тот охотничий клуб, где он договорился встретиться с человеком, с которым познакомился на днях. Этим человеком был Бенде, работавший кондуктором на железной дороге. Он тоже привел свою жену Маргариту – Гретхен.

* * *

Она была на три года старше Элли, ей было двадцать пять. Резкие, грубоватые черты лица, карие глаза, крупная,

немного костлявая фигура. Она сидела возле своего мужа, отставного унтер-офицера, крупного детины, этакое здоровяка. Он не был таким угрюмым и дерганым, как Линк, и в отличие от него не увивался вокруг своей жены. Он умел обходиться без этого. Он был бойким и самоуверенным, как человек, который уже прибрал жену к рукам и теперь мог расслабиться. Они были женаты три года. Жена Бенде была более скрытная, чем Элли. Ее нельзя было назвать ни легкомысленной, ни жизнерадостной. Она жила со своей матерью, к которой была очень привязана. Во время войны она обручилась с Бенде. Тогда она была страстно в него влюблена. Еще в сентябре 1917 года она писала своему любезному Вилли на фронт: «О, это блаженство! О, счастье с тобой! Когда же вернешься ко мне, дорогой», – и подписывалась «твоя верная Грета». В мае восемнадцатого они сыграли свадьбу. Затем начались неурядицы.

Муж ее ни во что не ставил. Если бы ни мать, она оказалась бы в отчаянном положении.

Элли как раз приглядывала себе на персницу. Ей нужно было на кого-то опереться.

Они разговорились. Пока их мужья пили и отпускали грубые шутки, они присматривались друг к другу. Разглядывали друг друга. Госпожа Бенде заметила, что Элли чем-то опечалена, но первым делом обратила внимание на ее детское личико, изящную фигуру и золотистые кудри. Они решили прогуляться вместе. Обе жили на В***штрассе, она предложила Элли зайти к ней в гости. В квартире Бенде ее встретила мать Маргариты – фрау Шнюрер, радушная пожилая дама с голубыми глазами. В домашней обстановке они быстро нашли общий язык.

Мать и дочь заметили, что Элли любит у них бывать. А Элли видела, что

обе женщины сообща противостоят мужу. Фрау Шнюрер была по-матерински спокойной женщиной, Гретхен принимала Элли очень хорошо, очень тепло. Они недолго присматривались друг к другу, и вскоре почувствовали себя свободно. После этого Элли выложила им все, что у нее накопилось, лихорадочно, порывисто, истосковавшись по людям, готовым ее выслушать и понять. Элли добилась своего: ее пожалели. Ей больше не нужно было ехать в Брауншвейг. Это был настоящий переворот, она почувствовала себя свободной. Она снова стала прежней хорошей Элли. Теперь она не томилась от беспомощности и не кричала, когда муж начинал буянить, и при этом не чувствовала себя ущемленной. Вдруг все предстало перед ней, как в самом начале: это он сам к ней привязался. Это из-за него ей было так плохо, да что там плохо – ужасно. И она отгоняла прочь мучительные воспоминания. Образ

Маргариты Бенде, только ее образ стоял у нее перед глазами, когда она возвращалась домой.

Грета Бенде была странным созданием. Ее томили какие-то смутные, сильные чувства. Она обожала романтические фразы из романов. Она была недогадлива, часто говорила невпопад; когда она старалась показать себя во всей красе, ее речь превращалась в поток выпренной невнятицы. Ее воспитала мать, родной дом она никогда не покидала и до сих пор жила с матерью. Грета была к ней так сильно привязана, что не смогла вырваться на свободу, чувства переполняли ее, но под влиянием матери она подавила в себе всякое стремление к самостоятельности. Она часто совершала какие-то поползновения к свободе, но сама не принимала их всерьез и до сих пор была сущим ребенком. Замужество было одним из таких поползновений. Но из этого тоже ничего не вышло. Она была

слишком слаба, чтобы осадить такого неугомонного мужчину или по-женски его покорить, он ее разочаровал, ему нужна была сильная рука, способная держать его в узде, он показывал свой норов и творил, что хотел. Вконец отчаявшись, жестоко страдая от ревности, она опять бросилась в объятия матери, которые всегда были для нее раскрыты. Теперь незадачливую Грету распирало от желания возмущаться, жаловаться. Ее захлестывала волна неутоленных чувств. И вот появилась Элли, такая маленькая, задорная, озорная, как мальчишка. Эта женщина, искавшая помощи и опоры, тронула, взволновала и взбудоражила Грету, как никто другой. Еще никому до нее не удавалось найти путь к сердцу серьезной, тихой и меланхоличной Греты. Очарованная, замороженная и восхищенная этим веселым и все же несчастным созданием, она никак не могла решить, как выразить свои чувства к

Элли, но та сама дала ей понять, что нужно делать. Нужно было утешать, поддакивать и подбадривать. Благодаря этому Грета немного высвободилась из материнских объятий; но и тут она показала себя истинной дочерью своей матери, поскольку теперь сама стала исполнять ее роль. Она приняла Элли в свои объятия. Элли была для нее отрадой, заменой скверному мужу, которого она не могла к себе привязать. Она укрылась в этой любви, закуталась в нее, как в теплое одеяло. Элли Линк нуждалась в защите, ей нужно было помочь. И она была на это готова. Элли стала ее ребенком.

Вот какие чувства они испытывали друг к другу. Грета Бенде отдала Элли всю свою нерастраченную нежность. А окрыленная, очарованная Элли с радостью примерила на себя прежнюю роль, снова почувствовала себя веселой проказницей, и от такой Элли Грета Бенде была в восторге.

Побег Элли к родителям подкосил Линка. Хотя он и продолжал буянить, шарахнуло его не на шутку. После переезда неуверенность не исчезла. Он ощущал, чуял, что близится переломный момент. Элли изменилась в лучшую сторону. Но он понимал, что это поверхностные и временные перемены. Да и сам он не мог, вернее, не хотел себя сдерживать; кое-что, кое-какие ссоры случались уже сами собой. Он-то думал, что за это она не должна быть на него в обиде. Но теперь, когда они ругались, он замечал, что голос Элли звучит немного вызывающе, как-то странно, непривычно. Как будто она, – он чувствовал это и еще больше распалялся, – не хотела играть по старым правилам. Когда они бранились, она с невероятным упорством лезла на рожон. Это его только подзуживало. Он этого не хотел, он сетовал: у них теперь своя квартира,

он хорошо зарабатывает, так почему же не стало лучше?

Потерпев поражение в войне с мужем, теряющая силы, обессиленная Грета Бенде перенесла боевые действия за стены своего жилища. Теперь она воевала с другим скверным мужем. С Линком. Он стал для нее чуть ли не вторым Бенде. И с этим Линком она сражалась еще ожесточеннее, поскольку победителя ожидала награда, награда еще не названная: Элли. Так она могла отомстить своему мужу, а заодно – это ее сильно подхлестывало – запросто залучить к себе живую душу, вот так без хлопот прибрать к рукам живое существо, которое будет принадлежать ей и только ей. Она умела любить.

На радость Греты Элли приходила к ней, еще разгоряченная бешеными семейными ссорами. Линк боролся, дрался и не желал сдаваться. Он не замечал, что теперь у него два врага, вернее, один, но незнакомый, лютой. Теперь за

Элли стояла еще одна сила – Грета Бенде. И это была страшная сила – он не видел ее в лицо, у нее не было имени, она разила его ниоткуда.

Связь между женщинами становилась все теснее. Грета Бенде привязывала Элли к себе. Она просто не могла отпустить Элли. Она пыталась влезть во все, что происходило между Элли и ее мужем. Она все говорила и говорила, и никак не могла остановиться, выдавая тем самым свою неуверенность и горячность. Все вызывало у нее ревность, все задевало ее за живое, все давало повод для наставлений. Поначалу Грету необычайно раздражало, что Элли оказывает ей какое-то странное противодействие, хотя она все понимала. Элли ненавидела своего мужа, но не так яростно, как хотелось бы Грете. Элли была непостоянной, такой же, как сама Грета. Сегодня ее белокурая подруга приходила вся на взводе, убивалась, кипела от злости; Грета ее

утешала; они сидели рядышком и ворковали. А на следующий день Элли было хорошо, и о Линке она вообще не упоминала. А всякие пренебрежительные замечания, всю эту привычную ругань в его адрес она пропускала мимо ушей. Грету это печалило несказанно. Она часто признавалась в этом матери, поверяла ей свои чувства. Нужно как-то избавить малышку Элли от этого паршивца, от этого гада, который ее бьет и который не достоин такой женщины. Он морочит ей голову, а она каждый раз ему верит. Грета негодовала, ее начинало трясти.

Она все больше льнула к Элли. Между ними завязалась переписка, странная переписка между женщинами, которые жили на одной улице, виделись каждый день, но не могли даже ненадолго прервать беседу: одна все уговаривала, другая все отнекивалась. Так влюбленный преследует возлюбленную, так охотник загоняет дичь. На

первых порах они писали друг другу немного. Но постепенно вошли во вкус. Почувствовали особую прелесть в этой переписке, благодаря которой каждая из них могла играть в дружбу, ухаживания и любовь, даже когда другой не было рядом. Это вызывало какое-то необычное волнение, сладостное ощущение тайны; отчасти сознательно, отчасти бессознательно каждая из них и тут исполняла свою привычную роль: Грета преследовала, подманивала, старалась поймать Элли, занять место ее мужа, а та вовсю играла, всем своим видом показывая, что ее можно поймать, можно приручить. Вроде бы эта переписка была нужна им для того, чтобы поддерживать друг друга, интриговать против мужей, но по большому счету она просто помогала им забытья. Помогала подбадривать и утешать друг друга, обманывать всех остальных. От этой переписки было уже рукой подать до новых тайн.

Мать Греты была на их стороне. Элли была с ней нежна и ласкова. Она говорила, что фрау Ш. – ее вторая мама. Фрау Ш. тоже терпеть не могла мужа Греты; дочь была ее единственным достоянием, а он плохо с ним обращался. Она ревностно и чутко следила за тем, как дочь сражается с мужем, чувствовала себя отвергнутой, когда отвергали ее дочь. От негодования она по-матерински еще сильнее прижимала ее к себе. Нельзя сказать, что это было так уж неприятно; дочь, это единственное ее достояние, снова целиком принадлежала ей. Теперь в их полку прибыло – появилась Элли, подруга дочери. Ей выпала такая же судьба, как и Грете. Теперь они втроем отгородились от мужчин, скрепив свой союз взаимной нежностью. Все трое были заодно, как бы не разнились их чувства друг к другу. Вместе им было хорошо, теперь они чувствовали себя в три раза увереннее в этом противостоянии грубым мужьям.

Как-то Грета Бенде написала Элли: «Когда вчера в девятом часу я стояла у окна и ждала тебя, мать сказала мне: взгляни на эти три тюльпана. Вот как они крепко стоят вместе, так и мы втроем, ты, я и Элли, будем крепко держаться друг за друга и биться до тех пор, пока все вместе не одержим победу».

* * *

Таковую игру они вели друг с другом. И вдруг Грету охватила какая-то сладостная лихорадка, причиной которой была Элли. Мало-помалу, далеко не сразу эта лихорадка передалась и самой Элли. Их тайные отношения, которые поначалу были просто заговором против мужей, зашли слишком далеко. Они еще скрывали друг от друга, и каждая скрывала от себя, что их связывало уже совсем другое. Там грубые мужья, там нужно защищаться от их звериных посягательств, а тут в промежутках и

после всего этого – такая нежность, проникновенность, чуткость. Так мать кутает младенца. Элли резвилась, веселилась, была ласкова с Гретой. А страстная подруга успокаивала ее, сжимала ей руку, привлекала к себе. Что правда, то правда: еще никогда прежде нежность не казалась Элли такой манящей. Для Греты она была ласковым и озорным котенком. Теперь ее ловили и тискали, не спрашивая, хочет она этого или нет. Это ее неприятно удивило. Она искала себе оправдания, винила во всем грубияна мужа, из-за которого началась вся эта дружба с Гретой. Она сама не знала, почему так стыдится этих тайных отношений. К тому же, из-за этого она чувствовала себя еще слабее мужа. Поэтому иногда она начинала перечить Грете, а та не могла взять в толк, в чем тут дело. Но бывало и так, что от чувства вины и стыда за то, что она связалась с Гретой, она злилась на мужа, чтобы перебить этот стыд, иной раз по наитию,

иной раз с каким-то смутным чувством: это все из-за него, если бы не он, до такого бы не дошло. И после каждого скандала она все отчаяннее кидалась к Грете: она хотела быть с ней и только с ней, она имела право с ней быть. Чувство к подруге исподволь зрело и, как полип, обрастало другими переживаниями.

Линк вкалывал, пытался помириться с женой, опять с ней скандалил, напиивался. Сам этот порядок не менялся, только градус возрастал. Главное – он вернул жену домой, ее родители – за него, так что теперь она об него зубы обломает. В постели он обращался с ней по-прежнему: она терпела все это, но омерзения, отвращения и негодования даже не скрывала. Она хотела избавиться от этих чувств, которые он раскрыл в ее душе, хотела позабыть о скандалах и диких выходках, выпутаться из сетей ненависти.

Она так волновалась из-за мужа и подруги, что у нее голова шла кругом.

Она бежала к подруге, чтобы успокоиться. О доме своем она и думать забыла. Когда муж поутру говорил ей, что нужно сделать по хозяйству, и давал ей разные мелкие поручения, она тут же все забывала от рассеянности, да и не хотела об этом думать. Ей приходилось записывать на память его просьбы. Он видел это и ему было приятно давать ей поручения, чтобы она думала о нем весь день, чтобы не рыпалась и сидела смирно. А потом вечером, вернувшись домой, он мог ей показать, где ее место. Ей было так страшно, когда он приходил, – чаще всего пьяный. Он впадал в бешенство, как безумец. Он уже не понимал, что перед ним его Элли. Он бесился просто потому, что чувствовал себя хозяином. То были остатки, обломки его страстной любви. Он крушил все, что попадалось ему под руку, хватал посуду, стол, плетеные стулья, белье, одежду. Она кричала: «Не надо со мной так строго! Я и так делаю все, что в

моих силах. Как мне еще прикажешь это делать? Не надо мне все время долбить по мозгам! Ты же знаешь, что я этого не выношу!» Он: «Башкой надо думать!» Она: «Слушай, силой ты ничего не добьешься – лучше добром. Будешь дальше издеваться, я за себя не ручаюсь. Еще немного, и мое терпение лопнет».

– Ты, мелюзга! Да на что ты годишься. Вот резиновая дубинка. Это тебе поможет!

Как она ненавидела своего мужа! Она отправляла родителям злобные письма, которые они отсылали ей обратно. Пусть знают, какая у них тут жизнь. Она так плохо о нем заботится, что скоро он сам от нее сбежит. Она только жрать ему дает, и все. Она его так ненавидит, что ей хочется плюнуть ему в рожу, когда она его видит. Пусть себе вкалывает, чтобы платить за квартиру и ее содержать. Все равно она скоро от него сбежит и все с собой заберет – и кровать, которую он купил, и постельное

белье, подаренное его матерью. Жену никто не обвинит в воровстве.

Хотя ее охватывала ненависть, да и сама она старалась потопить себя в ненависти, кипятилась она больше на словах, чем в душе: она пыталась как-то оправдать свою любовь к Грете, в которой не смела признаться ни другим, ни себе самой. Она нарочно говорила так, чтобы скрыть свои чувства от Греты. Элли раздирали противоречия; от этого внутреннего разлада, который она ощущала каждый день, стоило ей встретиться с Гретой, у нее внутри все буквально зудело. О Линке Элли говорила с Гретой каждый день, но ей все время приходилось что-то из себя строить, сгущать краски, а нередко и перевернуть; она не хотела признаваться в том, что у нее еще сохранилась привязанность к Линку. Она вела какую-то двойную жизнь. Все эти метания были ей не по душе.

Но все решилось само собой, по крайней мере, на первое время. Между

женщинами вспыхнула любовь. Бесхитростные уверения в вечной дружбе, взаимное утешение, поцелуи, объятия, сидение на коленях – все это закончилось физической близостью. Грета, чувственная, страстная Грета первая трепетно отдалась этой страсти. Поначалу Элли была для нее ребенком, которого следовало оберегать. Теперь она была в восторге от своего маленького решительного любовника. Она отвела ей исключительно мужскую роль. Роль мужчины, который любил ее и принимал ее любовь; прежде ей не везло с мужчинами, особенно с мужем. Теперь ее мужем стала Элли. И Элли должна была без конца заверять Грету в том, что любит ее. Сколько бы она ни клялась в любви, сколько бы ни приводила доказательств, Грете все было мало. Элли поддалась на это сознательно, лишь бы отделаться от Линка. Попав на сексуальную почву, ее жажда деятельности, ее мужская решительность достигли опасного размаха.

После всего она чувствовала себя увереннее и ощущала, что они принадлежат друг другу. Ей, конечно, было стыдно, но чувство вины она вымещала на мужа. Теперь она сопротивлялась ему еще яростнее. Она не лгала, когда говорила и писала Бенде, что часто отказывает мужу в близости, и ему приходится брать ее силой.

* * *

В то время, к концу двадцать первого года, стоило Элли и Линку зацепиться языками, как между ними начиналась потасовка. Он был сильнее ее; от его ударов на голове у нее оставались шишки и ссадины. Она показала санитару доктору Л., который официально засвидетельствовал следы побоев.

Между собой они с Гретой уже решили, что ей нужно развестись с Линком. Все чаще, словно опьяненные, говорили они о том, как чудесно заживут

втроем в одной квартире: мать, Элли и Грета. Так что в голове у Элли прочно засела мысль о разводе. Она хотела одного: действовать, решительно, по-мужски, чтобы показать подруге, как сильно она ее любит. На мужа она вообще перестала обращать внимание. Накануне Рождества он работал еще и по ночам – два раза по тридцать четыре часа. А она бегала к Грете. Муж Греты уже говорил Элли, что он запрещает ей к ним приходить; не нравились ему эти женские посиделки и болтовня. Линк тоже не хотел, чтобы Элли водилась с Гретой. Линк не верил, что Элли бегают к Грете, он ревновал, думал, что у нее появился какой-то мужчина. Подруги так боялись попасться на глаза мужьям, что часто виделись лишь урывками на улице. Их опасная переписка, которая только разжигала страсти, набрала обороты: это уже было сродни бегству от мужей, идеальному сожителству без мужей. Они обменивались письмами на улице,

заносили их друг другу при случае. Они условились отдергивать и задергивать занавеску, чтобы каждая могла видеть, есть ли у другой дома муж.

И вот настала ужасная новогодняя ночь. Линк был мрачен и угрюм, его снова распирало от злости. Улучив момент, когда они остались с Элли наедине, он пригрозил ей: «Я тебе дома все кости пересчитаю!» Элли испугалась и рассказала обо всем его сестре, у которой они были в гостях. Сестра встала на сторону Элли. Если так будет продолжаться, Элли надо от него уйти, а он пусть отправляется жить к матери. Сестра устроила все так, что они остались ночевать у нее. Первого января поутру Элли вернулась домой. Он пришел только под вечер, пьяный. Разорался, стал ее поносить: «Ах ты, скотина, шлюха!», полез на нее с кулаками.

2-го января Элли украдкой сбежала. К побегу они подготовились заранее с Гретой и ее матерью. Они подыскали

для Элли поблизости квартиру, которую сдавала фрау Д. Элли появилась у них с зелеными и лиловыми синяками на висках. Она была свободна. Муж не знал, где ее искать.

Грета ликовала. По сути дела, она тоже совершила побег, только по-своему – малодушно и нерешительно. Теперь ей было проще; она почувствовала себя сильнее, увереннее в своем семейном противостоянии. Элли принадлежала только ей. Когда Элли сбежала, радости Греты не было предела. Она говорила Элли, что ей нужно держаться, им нужно быть вместе, нужно ковать железо, пока горячо. «Но, любовь моя, если ты вернешься или полюбишь кого другого, тогда о нас можешь забыть». Она по себе знала, как слабовольна и податлива Элли, предостерегала ее, чтобы она не шла на поводу у этого хитрого подлеца Линка. Пусть не

верит его письмам, он просто над ней издевается, он ее не любит по-настоящему. Чтоб он подох как собака. «Говорю тебе твердо, как на духу: если вернешься, то я для тебя потеряна навсегда». Влюбленная Грета со страхом видела, что Элли сбежала от него, как затравленный зверь, да и сбежала-то только благодаря ей. Когда Элли успокоится, и Линк начнет вокруг нее увиваться, дело может принять опасный оборот. Она писала Элли – она все еще писала ей, наслаждаясь пьянящим духом переписки, – что они с матерью – люди очень гордые и с характером, так что они Элли и на порог не пустят, если она вернется к мужу. Она писала, что и думать об этом не хочет, что при одной мысли об этом у нее сердце разрывается от тоски и печали.

Линк сидел один в своей квартире. Матери теперь рядом не было. Он пил, чтобы забыться, шел к матери, бранился. Элли снова его предала. Предала жестоко. Ему было ясно, что она опять

положила его на лопатки. При мысли о том, что эта мелюзга смеет с ним вот так играть, его охватывала бессильная злоба. Возмущаться было без толку. Все это было только на поверхности. В глубине души он чувствовал совсем другое. В первые дни, когда его изводила ревность и боль, он еще ерепенился. Но потом стал прежним, каким был во времена их помолвки. Он вспоминал их недавние скандалы. Как дурно он обращался с малышкой Элли. Он вновь почувствовал свою ущербность; ему захотелось стать лучше; сам он истолковал это чувство так: я тоскую по ней. Она все не приходила, вестей от нее все не было, и с каждым днем он все больше себя винил, все сильнее страдал. Он разговорился с квартирной хозяйкой, и та, увидев, как он горюет, призналась, что Элли вечно спешила к своей подруге, потому и не успевала ничего по хозяйству. Он держался еще несколько дней, а потом сдался. Он написал ее родителям

в Брауншвейг, ему стало приятно, когда он прикоснулся к бумаге и завел с ними разговор. Он жаловался: «Как часто я просил жену, то и дело просил ее: скажи мне хоть словечко, когда я прихожу домой. Как часто я просил: не уходи на целый день в гости к Бенде». И добавлял: «Если я и ударил Элли, то вы меня должны понять. Посудите сами: чтобы устроить для жены красивый и приятный праздник в Рождество и чтобы нам лучше жилось, я много работал, а после такой работы я прихожу домой изможденный, и физически, и душевно. Элли собирается за покупками, но сама, против моей воли и вопреки желанию господина Бенде, отправляется к своей подруге. Элли торчит у них безвылазно, хотя господин Бенде запретил ей приходить. У него из-за этого доходит до скандалов с женой. Зачем Элли это нужно? Элли ударила меня по лицу и получила от меня за это пару подзатыльников». Письмо он закончил многословным заверением в любви.

Жена была совсем неподалеку, у фрау Д., уже успокоилась, ей нравилось, что за нее все решает Грета. На сей раз она не уехала к родителям. С ней была подруга, все было ясно и просто. Она обратилась к адвокату д-ру С., рассказала ему о том, что муж ее бьет. Адвокат вынес предварительное определение, согласно которому она получала право жить отдельно от мужа, а мужу предписывалось внести задаток на судебные издержки и выплачивать ей ежемесячное содержание. Иск был подкреплён врачебным заключением и письменным заявлением свидетелей: фрау Бенде и ее матери. Девятнадцатого января суд удовлетворил иск, не заслушивая свидетелей. Слушания по делу о бракоразводном процессе были назначены на девятое февраля.

Элли вступила в бой. Она была на пути к освобождению, она могла отделаться от Линка. Так бы все и вышло. Но всего в нескольких домах от нее сидел

Линк, мучился, убивался, жалкий бедолага, иной раз усыплял себя шнапсом и пивом и хотел лишь одного – вернуть жену. Ему было так невтерпеж, что он махнул рукой на письма, сел на поезд и сам отправился к ее родителям в Брауншвейг. Он не мог от нее отказаться. Он сорвался, он уже не владел собой. Как он бил жену, напивался допьяна, рвал одежду, ломал стулья, так теперь он строчил письма, мчался на поезде. Он не стремился исправиться, измениться, он просто мрачно, безудержно поддавался этой силе. Крутился как скрипучий механизм.

В Брауншвейге его приняли не слишком радушно. Родителей обескуражили письма Элли, мать не знала, что и думать. В конечном счете, отец остался верен своим старым патриархальным принципам: жена принадлежит мужу. Он дал Линку адрес Элли. А когда в ответ на умоляющие, чуть ли не раболепные письма тот получил ледяной отказ,

отец самолично отправился с Линком в Берлин.

Кольцо вокруг Элли и Линка следовало замкнуть. Мужчины – отец и Линк – замкнут его вдвоем. Вопрос лишь в том, кто из них раньше сдастся: Элли или Линк.

Элли по собственному почину и под нажимом Греты затеяла бракоразводный процесс. Но когда она оставалась одна в своей комнате или сидела вместе с Гретой, на ум ей уже лезли и другие мысли. И еще как лезли, особенно когда на нее насели родители, а потом приехал и сам Линк вместе с отцом. Кошмарный Линк, который ею помыкал, который ее насиловал, который был окружен аурой злобы, был ей противен, но и теперь, когда она попала в руки изголодавшейся по любви Греты, ей все равно чего-то не хватало. Она поняла, что Грета не может дать ей столько, сколько давал муж. Взять хотя бы квартиру или положение в обществе,

не говоря уже о деньгах и нормальных половых отношениях, к которым она так или иначе привыкла. Она попала из огня да в полымя. Не думала она, что все выйдет так. Так себя связывать, так жертвовать собой ради Греты она тоже не хотела. Ее все время изводило чувство вины и стыда за такие отношения. Это чувство стало невыносимым, когда приехал отец.

Беззаботно порхать по жизни, иметь не слишком строгого мужа, но главное – не отрываться от отца с матерью, – вот в чем она настоятельно нуждалась. Хотя она с юных лет делала, что хотела, в душе она так и не покинула отчий дом, так и осталась дочерью. И забавы ее были всего лишь шалостями домашнего ребенка, который не хочет замечать, даже боится всего, что связано с полом.

Вместе с отцом заявился Линк. Она знала, что он будет ее выслеживать и не остановится, пока не найдет. Он был хитрый подлец, правильно Грета говорила.

Она с удовольствием устроила ему выволочку при отце. Она говорила, как папенькина дочка; она была дочерью этого человека. И этому простому человеку из Брауншвейга было трудно перед ней устоять. Линк размяк, признал свою вину. Чтобы утолить свою ненависть и жажду мести, она, даже торжествуя, продолжала осыпать его упреками в жестокости и подлости. Она чувствовала полное единение со своим отцом.

Еще совсем недавно она неслась к адвокату, чтобы подать на развод. Теперь она пошла на попятную. Отец стоял на своем: она мужнина жена. Встреча с отцом напомнила ей былое; у нее была семья, ей было на кого опереться; она припала к этому источнику. Выговорившись, она почти избавилась от напряжения, накопившегося у нее за последнее время. Теперь она хотела и должна была слушаться своего отца. Она не могла иначе. Ведь именно теперь они стали так близки. Это отец

благословил их союз с Линком. Линк предстал перед ней в другом свете. В другом, резком, неприглядном свете предстала перед ней и связь с Гретой. И когда она слушала отца и глядела на него, ей становилось стыдно за то, что она бесилась, как мужчина. Линк при-смирел; родители о ней заботятся: все должно быть хорошо, все будет хорошо.

Отец уехал. Она дала ему слово, что вернется к Линку. Она еще испытывала какое-то беспокойство, особенно после его отъезда, у нее еще оставались сомнения. Чем-то не устраивало ее это решение. Ей было тяжело идти на уступку, но все эти скандалы помогли ей выговориться, так что тревога, страх, внутреннее сопротивление ослабели. Еще два дня она не выселялась из квартиры фрау Д. Еще два дня прошли в сомнениях, в метаниях. Потом она вернулась в их общую квартиру. Она послушалась. Отец и муж ее уговорили. Как ни странно, перед Гретой ей было

не слишком стыдно; как ни странно, в последние дни ее чувство к подруге как-то увяло.

Как только Линк ее заполучил, ему снова стало хорошо. Его отпустило, голод был утолен. Теперь он был спокоен. Мог спать, работать, смеяться, радоваться вместе с ней. Какая у него славная жена! А как она на него смотрела! У нее глаза светились от радости. Они гуляли, взявшись за руки. Грету она вспоминала редко. Она подумывала вообще с ней больше не видеться. Это были чудесные дни, так хорошо им не было, наверное, даже в ту пору, когда они только обручились. Десять дней. Они словно нарочно одурманивали себя, жили как во сне, но отчасти притворялись спящими. Надолго их все равно бы не хватило.

Из-за каких-то пустяков они очнулись и опомнились. Все началось с того, что они снова стали повышать голос,

пререкаются, спорить. Дальше – хуже. Все пошло по наезженному пути.

Они снова были низвергнуты на землю. Так им казалось; вообще-то они и не возносились, а лишь забылись на время. И какое это было низвержение! Все разбилось вдребезги. Рассвирепев от разочарования, страшно разъяренная, она с гневом думала о своем отце, – но только тот, о ком она теперь думала, уже не имел ничего общего с ее отцом. Только-только она сбежала, и вот этот Линк ее вернул, дело уже шло к разводу: и он заставил ее повернуть вспять. Он тоже злился, не осознавая, что у него не было воли к примирению, как и у нее. Он решил больше спуску ей не давать. Теперь, когда он за ней побегал, когда он вернул ее силой, она за все заплатит сполна.

Линк как будто снова почувствовал себя свободным. Так все смешалось у него в голове. Впрочем, и у нее появилось такое чувство, словно она опять стала собой. Он как с цепи сорвался. И

набросился на жену. Алкоголь придавал ему смелости, распялял. Разочарованный, отвергнутый, обуреваемый ужасным духом разрушения, он снова и снова накачивался пивом и шнапсом. От этого он вообще становился неуправляемым. Жену нужно было укротить, показать ей, кто он такой. С каждым разом ее нужно было укротить еще больше, еще основательнее. Он издевался над ней как над насекомым. Он вытряхивал ей еду на кровать. Он пускал в ход резиновую дубинку, кулаки, трость. Он делал это не ради удовольствия. Человек он был несчастный. Он делал это почти через силу, в слепом порыве разрушения, с горечью отчаяния, истязая себя. Нередко после таких припадков, вволю набушевавшись, он сбрасывал с себя это дикое свирепое наваждение и, избив, обругав ее, разодрав одежду и наволочки на подушках, чувствовал усталость и облегчение. Но обычно что-то тщетно распирало его изнутри. Слепо рвалось

наружу. Часто он бросался на нее с ножом. А потом, когда она от него вырывалась, – она умоляла, отбивалась руками и ногами, однажды ночью он чуть было не выкинул ее голой из окна, – потом он еще какое-то время носился по комнате, круша все на своем пути, выбежал за дверь, и вскоре до нее доносилось хрипение: он висел на веревке, брошенной на дверь комнаты или уборной, уже посиневший. Она перерезала веревку и в страхе укладывала его, переборов отвращение и брезгливость.

Тогда-то в жизни и сквозь жизнь этого человека стала все явственнее проступать судьба его отца, который покончил с собой, повесившись. Чем больше он деградировал, тем безнадежнее обрекал он себя на эту былую судьбу, становился марионеткой в ее руках. В ту пору он и без помощи жены ступил на путь смерти. Помешался он вконец. У него уже появились признаки эпилептической дегенерации.

Плотские желания обуревали его еще сильнее. Ему хотелось все чаще, все больше унижать себя и жену. Он снова заманил ее, увлек за собой в мрачный мир ненависти. Пробудил в ней те силы, которые потом с такой устрашающей мощью обрушились на него самого. По существу, силой, которая позднее его погубила, была его собственная ненависть. Он рыскал по ее телу, стараясь исторгнуть чувственность из каждой складки ее кожи. Ему хотелось в буквальном смысле ее пожрать. Он не просто бросался словами, когда твердил ей, как голодный зверь, что хотел бы заполучить ее испражнения, хотел бы их есть, глотать. Он говорил так не только спьяну, но и на трезвую голову. С одной стороны, это было самобичевание, уничижение, умерщвление плоти, покаяние за свою ущербность и подлость. С другой стороны, так он пытался излечиться от этого чувства ущербности: просто убивал в

себе все хорошее. И неважно, что свою дикую похоть и кровожадность он скрывал под покровом звериной нежности.

В диком мире ненависти, который он создал, она быстро стала с ним одним целым. С виду она еще сопротивлялась, еще пыталась от него отделаться: как ему не стыдно требовать от нее такое. В ответ он говорил с издевкой: «Ты жена мне или не жена? Не выходила бы тогда замуж за работягу». Потом она ушла в себя, затаилась. Но и там, куда она уединилась, он был вместе с ней.

Что дальше? Что должно было случиться теперь? Она часто говорила мужу, что хочет ребенка. В ответ он грозился: если она родит, он засунет ребенка в ледник или шилом ему башку проткнет. Ей было одиноко. Превозмогая стыд, она снова бросилась к Грете. Поначалу ей было неловко. Но ей нужна была подруга, нужно было с кем-то

поговорить, излить душу, нужно было еще что-то, она и сама не знала, что именно. Она жила в страшном напряжении. Напряжение было таким сильным, что часто у нее все путалось в голове, она не понимала, где находится, что делает. Путалось все от злости на то, что она снова послушалась Линка, который дал слово ей и отцу, что будет жить с ней в ладу, а сам нарушил обещание. Все в ней было перевернуто вверх дном от этой безграничной ненависти к мужу, который воспользовался ее доверием к отцу, злоупотребил этим доверием, а во время ссор еще и злорадствовал: теперь-то от меня не убежишь. Как она говорила позднее, в мозгу у нее все зудело; она ничего не могла с этим поделать. Мир ненависти был сильнее ее, высасывал из нее все силы. В наказание за то, что она все забывала, спорила с ним, не желала его ублажать, он перестал давать ей деньги, запретил ей устраиваться на работу и сказал, что, по

его разумению, деньги себе заработать она может, обслуживая мужчин.

* * *

Грета Бенде беспокоилась за Элли, когда Линк в последний раз пришел за ней в квартиру фрау Д. На следующий день она с горечью узнала, что Элли вернулась домой, и, возможно, как раз в тот момент, когда она беспокоилась, Элли лежала в объятиях Линка. После этого целую неделю они почти не виделись; Элли избегала встреч с подругой. А когда они сталкивались на улице, Элли смущенно выдавливала из себя несколько слов и уходила, а подруга тотчас хваталась за свое излюбленное средство – принималась изливать на бумаге жалобы на то, что Элли причинила ей невыносимую боль, «ведь только ты одна знаешь, что я приросла к тебе намертво. Зачем ты мне внушила такое сильное чувство, если тебе и с

Линком хорошо? Я готова разрыдаться, любовь моя, когда вижу, как ты гуляешь с ним и веселишься». Горевала Грета недолго; Элли вернулась, и она приняла ее как раскаявшуюся грешницу. Она была задета за живое: как Элли могла причинять ей такую боль? Но слишком уж сильна была ее страсть.

Элли отчаялась, запуталась, была сломлена. И когда она ухватилась за подругу, на уме у нее было лишь одно: она ей нужна, ей хочется быть с ней, ей нужно быть с ней сейчас. В отчаянии она думала об одном: ей нужно наказать мужа, отомстить за то, что он оскорбил, опозорил ее и отца. Пора было покончить с Линком. Он приучил ее к дикому разгулу страстей. Неожиданно она полюбила свою подругу с такой горячностью, что та сама удивилась. Она полюбила ее, как беглец любит свое убежище, свое оружие. Она бросилась в эту любовь с головой, исступленно, ища спасения. Заодно

любовь к подруге должна была уберечь ее от крайностей, ибо она уже смутно чувствовала, к чему подталкивает ее жажда мести, и хотела зарыться с головой в любовное безумие, только бы ничего не видеть, ничего не слышать. Один раз Элли уже обронила загадочную, таинственную фразу, которую позднее твердила без конца: она еще докажет подруге, как сильно она ее любит.

Теперь страстная любовь к Грете вспыхнула не оттого, что в душе Элли пробудилось сильное, дремлющее влечение, теперь эту страсть порождали и питали необычные обстоятельства, в которых она оказалась. Это они взрастили то, что было у нее лишь в зачатке, привели в действие старый механизм, который стоял без дела. Так тонущие при кораблекрушении доходят до неслыханных дикостей, которые едва ли им свойственны, едва ли соответствуют их характеру. Теперь в душе Элли поселилось нечто такое, что возымело над

ней ужасную власть и ни на минуту ее не отпускало. Это был ее ужасный муж, которого она впустила в себя и хотела из себя извергнуть.

Страсть друг к другу они обе подогревали ненавистью к мужьям, вернее, только к одному мужу – Линку, поскольку своего мужа Грета ненавидела за компанию, для вида. Эта ненависть нужна была им для того, чтобы оправдать и обелить свою предосудительную любовь, которую сами они считали чуть ли не преступлением. Все эти разговоры, объятия, прикосновения придавали Элли необычайную уверенность и твердость. Она была совершенно согласна с Гретой, которая однажды написала ей: «Вот уж, поистине, трагедия, что у нас на шее такие типы и нам приходится так себя неволить». В этом особом мирке, куда Элли сбежала, чтобы одолеть мужа, она находила покой и убежище. Это было как раз то, в чем она нуждалась: в голове у нее зрели

опасные замыслы, она жаждала мести, она задумала какое-то тайное, преступное дело. Когда она бросилась в объятия Греты, она уже ступила в запретную область.

Поначалу у Элли возникла мысль: если бы он заболел и слег, тогда бы он научился ценить жену. По сути, в тот момент она уже желала его смерти, но не решалась себе в этом признаться: сознательно она еще не хотела прикончить Линка. Она думала о том, как бы заставить его измениться, исправиться. Теперь подругам было совсем невмоготу. Мужья их разлучали, Линк был жесток, как никогда. Элли и Грета не знали, как им быть. Они обращались к гадалкам, которые, как водится, говорили о будущем какими-то туманными намеками. Элли хотела развестись, но потом передумала. Почему она передумала? В уме у нее уже созрело другое решение; по ее словам, она была не уверена в том, что ей удастся добиться развода. Теперь

в письмах она часто раскаивалась в том, что вернулась к Линку и причинила своей подруге такую боль: «Но только ты еще увидишь, я тебе еще докажу, что готова пожертвовать ради тебя всем, даже жизнью».

* * *

В те дни здравомыслящая и даже практичная Элли впала вместе с подругой в какую-то странную романтическую эйфорию. Это было такое же, только многократно усиленное, ощущение, которое на две недели объединило ее с Линком: оно напоминало сон, вернее, опьянение. В душе у нее все преобразилось, приобрело иное звучание. Так заворожили ее две силы: неотвязные мысли о ненавистном Линке, мысли, от которых она хотела отделаться, и нежная страсть к подруге. Но в первую очередь страсть – вот что придавало ей смелости, заставляло

вести себя мужественно, по-мужски; она без умолку твердила: «Я докажу, что люблю тебя». Эти неодолимые чувства, сливаясь воедино, завладевали ее душой. Она поддалась этому наваждению, она уже не могла его сбросить. Она часто впадала в исступление, и ей казалось, что она живет ради Греты: «Я готова на что угодно, лишь бы быть счастливой и раствориться в любви». Когда Грета говорила, что чувствует себя виноватой, она возражала: «Нет, я тебя ни в чем не виню». Но тут же всегда признавалась и в другом: «Я хочу отомстить и только». Кому она хотела отомстить, кого Элли хотела наказать, почему это желание приняло такие причудливые формы? Тот, на кого она покушалась, уже не был реальным человеком по имени Линк.

Поначалу все ее душевные силы притягивала к себе ненависть, которую

он в нее вселил: эта ненависть, естественно, ширилась, росла, искала себе жертву. Против этой ненависти, этой чуждой, вбитой в нее силы, в ее душе восстало прежнее исконное естество. Внутри у нее установилось равновесие, но поддерживать его было не так-то просто. Ненависть вывела ее из равновесия. Хрупкий баланс статических сил был нарушен; чтобы вновь наладить работу этого механизма, нужно было вернуться в прежнее спокойное состояние. Нужно было устранить этот перевес, восстановить баланс сил. Это было ей необходимо еще и потому, что такая ненависть по сути была ей чужда, пугала ее, внушала страх, угрожала ее целомудрию, свободе, невинности. А ведь Элли в известном смысле так и осталась невинной. Внутри у нее начался процесс очищения; вокруг проникшей в нее заразы скапливался гной. Так подспудно в ней зрела воля к действию. Навяждение, сон наяву – все было на

пользу этому желанию, создавало для него питательную среду. А Элли, которая уже давно не владела собой, нисколько не сопротивлялась и даже шла у него на поводу. Она словно отрешилась, забылась сном.

Но не Линк угнетал ее больше всего. Грета – вот кто был причиной ее душевного разлада. С Гретой тоже было что-то неладно. Мало того, Элли смутно чувствовала, что Грета и Линк составляют одно целое. Грета была требовательной и домогалась ее не хуже Линка; оба они были разочарованные, нерешительные, изголодавшиеся по любви. Через силу, изводя себя почти до смерти, она боролась с этим душевным разладом. В таком качестве они оба ее не устраивали. В отчаянии она переметнулась на сторону соблазнительницы, хотя внутренне ей противилась. В душе у Элли воцарился страшный разброд. Она становилась жертвой своей судьбы, как и ее муж. Теперь уже опасность

угрожала и ее жизни. Однажды, после страшного скандала с Линком, она хотела отравить его лизолом, а потом удрать или тоже принять яд.

* * *

Почему она решила его отравить, а не убила сразу? Ненависть переполняла Элли; ей приходилось замыкаться в себе, чтобы сдержать ее напор. Она выбрала такой женский способ убийства не только от слабости и малодушия. Линк часто сам пытался повеситься. Не странно ли, что она раз за разом вынимала его из петли. Она приходила в ужас, перерезала веревку и укладывала его; сохраняла его жалкую жизнь. Выбирая такой способ убийства, она руководствовалась инстинктами, которые властвовали над ней даже в состоянии аффекта, теми инстинктами, которые заставляли ее держаться за родителей. Она хотела убить Линка,

чтобы избавиться от него и вернуться к родителям. Мужа нужно было сжить со свету незаметно. Отравление вполне соответствовало ее желанию вернуться в детство, в семью. Здесь ее держала только ненависть к мужу. Он разжег в ней ненависть, которая привязала ее к нему; и эта ненависть требовала умерщвления, но не смерти. Они уже давно убивали друг друга; она хотела сохранить ему жизнь, чтобы убивать его как можно дольше. Пока она понемногу его травила, она оставалась с ним. Травила потихоньку и думала, искренне думала, что он исправится. Она часто втайне робко думала об этом и скрывала свои мысли от Греты: я совсем не хочу его убивать, я только хочу его наказать; он должен исправиться. Это была не какая-то там садистическая любовь, а нечто большее – родственные чувства: в конце концов, он был ее мужем. И скрывая это от Греты, она, несмотря на всю свою страсть, с горечью

и презрением видела, что и та тоже привязана к своему мужу.

Наедине с подругой она часто бывала совершенно рассеянной и отчужденной, но говорила в оправдание, что все время ломает голову над тем, как бы чего-нибудь раздобыть. Она так боялась «ничего не раздобыть», так тревожилась о том, где бы ей чего-нибудь раздобыть, что совсем извелась. И все это вперемишку с путанными, восторженными заверениями: «Любовь моя, вот увидишь, что я сражаюсь ради тебя и добыю своего. Сама я не знаю покоя на этом свете. Но уж он у меня упокоится с миром».

Она выбрала крысиный яд. Яд для двуногих крыс, как написала она позднее. Его можно было раздобыть, не привлекая к себе внимания.

Подруга с напряжением следила за развитием событий. Порой ей становилось страшно, но, глядя на то, что происходит с Элли, она трепетала от любви и счастья. В ту пору собственный брак

не доставлял ей хлопот; мужем она почти не занималась, она была целиком поглощена делами Элли. Она блаженствовала, выслушивая заверения Элли. Она считала, что Элли имеет полное право разделаться с этим типом, с этим гадом, который чуть было не отнял у нее подругу. Но она умоляла ее действовать как можно осторожнее, чтобы ей не пришлось потом ни за что, ни про что страдать долгие годы. «Мы с мамой тебя никогда не бросим». Теперь Элли уже почти не обращала внимания на грубые выходки мужа; от наваждения чувства ее притупились; она стала неуязвимой. Это ее больше не трогало. Она видела перед собой только свою путеводную звезду – убийство, теперь уж точно убийство.

Элли обратилась к аптекарю В. Сказала, что дома у нее развелись крысы и попросила яду. Он продал ей печенье с крысиным ядом. Спустя какое-то время, она пришла к нему снова, попросила

дать ей яд посильнее. Он с легким сердцем продал ей за две марки 10-15 граммов мышьяка. Элли твердо решила разделаться с Линком; она выносила это намерение в своей душе, как ребенка. Теперь ей предстояло пронести его через все ужасы деяния. Вначале это было ей невдомек.

Дело было в феврале-марте двадцать второго года. Сначала все было просто. Быть может, она его провоцировала, а может, просто поджидала удобный момент: вечером он, шатаясь, пришел домой пьяный, вытряхнул ей еду на голову, повалил ее ударом на кровать, велел приготовить картофельное пюре. Вместе с пюре он получил первую дозу яда. Через три дня – вторую. Ему стало плохо; у него появились симптомы желудочно-кишечного расстройства. Он слег на восемь дней, потом снова пошел на работу. Ему становилось все хуже. Весь его организм был отравлен ядом. Она видела, как он старается хорошенько

пропотеть, но все тщетно – «отрава сидела крепко». Все вроде бы шло хорошо, он никак не мог оправиться, она была настроена решительно. Но в дело вмешивались и другие обстоятельства. Мало-помалу сквозь пелену наваждения перед ней проступала истинная картина происходящего. Однажды, когда ему стало лучше, он не вернулся домой; она боялась, что он где-то упал, врач промыл ему желудок и обнаружил яд. Подруга рассказывала ей всякие ужасы: будто бы от яда все внутренности разрываются. Она верила ей и боялась. Часто она была сама не своя от страшного беспокойства: не могла сидеть на месте, суежилась до изнеможения. Она спрашивала Грету: не оттого ли это, что совесть у нее нечиста?

Подруга видела, что происходит с Элли. Дала бы она мужу сразу весь яд, и делу конец. Но стоило ей подумать об этом, как она холодела от страха: а что если все раскроется? «Только прошу

тебя, моя единственная, любовь моя, будь крайне осторожна, чтобы потом ничего не вышло на свет. Наши подлецы того не стоят».

Как только муж Греты узнал, что Линк захворал, он мимоходом заметил: «Ну да, если только Элли ему чего-нибудь не подсыпала. Она ведь все грози-лась ему отомстить». Жена ему в ответ: «Тогда бы врач не определил, что у него грипп с осложнением на легкие». А тут еще одна соседка, некая фрау Н., сказа-ла матери Греты: сдается ей, что с бо-лезнью Линка что-то неладно; наверня-ка тут не обошлось без фрау Линк.

Сама фрау Линк еще сильнее пере-полошилась, совсем растерялась. Она была измождена, ухаживала за мужем. Она крепилась, она слабела. Он сидел, он лежал и все никак не умирал. Он был ей противен, даже внушал ей ужас, но уже совсем по-другому. Перед ней был отравленный человек. И это она его отравила; он был для нее воплощением

ужаса, живым укором. Она ухаживала за ним, часто ценой невероятных усилий заставляла себя обращаться с ним хорошо. Она взялась за страшное дело. Когда ему вдруг стало лучше, у нее опустились руки. Она решила обождать до весны.

За всем этим пристально, очень пристально следила ее подруга. Уж не влюбилась ли Элли в собственного мужа? Нет, нет, мучительно твердила Элли. Что бы она ни делала, она делает это ради своей подруги. Ей приходилось защищаться, убеждать подругу, что она не беспокоится о Линке; если бы она так уж сильно о нем беспокоилась, «стала бы она тогда давать ему отраву?» В разговорах с Элли Грета любила побравировать. Однажды в запале у нее вырвалось: она тоже отравит своего мужа. Это она-то, у которой была вполне сносная жизнь с мужем, которая все еще была привязана к нему и старалась завоевать его любовь. Она сказала это не всерьез, не взаправду. Элли дала ей

немного мышьяка. Она в страхе выбросила его на улице и жалостливым тоном пояснила: если муж что-нибудь заметит, он перестанет столоваться дома, а если что-то обнаружится, какой тогда толк от такой «победы»? Чтобы не отставать от Элли и не упасть в грязь лицом, она как-то раз солгала, будто ей было так плохо, что она чуть не умерла. Дескать, она попыталась подмешать мужу в еду соляную кислоту, а он это почувствовал и заставил ее есть из его тарелки. В ту пору Грета выдумала и еще кое-что. По примеру подруги она говорила, будто ей тяжело дома оттого, что она совсем не любит своего мужа, но все же лучше пока не трогать Вилли, ведь если их мужья помрут один за другим, людям это может показаться подозрительным.

* * *

На глазах у Элли разыгрывались страшные сцены – больной муж метался

в горячке по комнате, лез на стену от боли. От этого она жестоко страдала. Она искала убежища в переписке, черпала в ней силы: я не отступлюсь, он у меня за все заплатит, даже если я сама из-за этого отдам концы. Временами ее охватывала какая-то оголтелая беспечность; внезапно, дойдя до предела, напряжение спадало. Она преспокойно подавала ему «диетический» суп и «ухаживала за ним». Ее даже забавляло то, как она все это проделывала: разыгрывала перед ним этот спектакль, а у него за спиной добавляла в еду яд: «Хоть бы свинья поскорее издохла. Свинья такая живучая. Сегодня я дала ему капли, причем порядочно. Тут у него вдруг сердце так заколотилось, и он попросил меня сделать ему компресс. Но я положила ему компресс не на сердце, а подмышку, а он и не заметил».

Такой беспечной и циничной она бывала не часто. Порой она не знала, куда деваться от мучительного чувства

вины. Тогда она ложилась рядом с ним и просила его не умирать, хотела его выходить. В такие моменты она снова чувствовала себя женой, девочкой из брауншвейгской семьи, и у нее был муж, которого сосватал ей отец. Она боялась расплаты: «Если Линк узнает, что я его отравила, он расправится со мной, беспощадно и безжалостно».

Какой разброд царил в письмах, которыми она обменивалась в ту пору с Гретой. Она, исполнявшая активную мужскую роль, воображала себя чуть ли не рабыней Греты. Вперемешку с жуткими рассказами о состоянии Линка она писала: «Я разделаюсь с Линком и тогда, наконец, докажу тебе, что сделала все это только ради тебя, любовь моя». Как-то раз, испугавшись толков и пересудов, Элли запаниковала и выбросила остатки яда в унитаз, а потом так и застыла в растерянности. Она ведь решила покончить с Линком – эта мысль была неотступной, властной. Она ломала себе

голову, не зная, как ей теперь быть. «Грета, попробуй что-нибудь раздобыть. Я готова рвать на себе волосы. Зачем я так сглупила? Теперь все пошло насмарку. Гретхен, прошу тебя, пожалуйста, достань мне что-нибудь. Вряд ли я смогу вырваться от него на свободу, а я должна, я хочу от него отделаться. Я его слишком сильно ненавижу». Подруги сидели рядом и плакали; они взвалили на себя непосильную тяжесть. Для мнительной Греты поступки ее подруги выглядели как скрытый укор: у нее от этого сердце щемило, однажды она написала, что чувствует себя виноватой и боится за свою возлюбленную.

Элли еще раз пошла к аптекарю. Он снова продал ей яд. Тем временем ее жертва металась дома в постели или бегала по врачам. Врачи твердили одно – грипп. Он уже реже впадал в ярость, но так и остался мрачным брюзгой. Недовольство своим жалким положением он вымещал на жене. Он был

работягой. Ему бы встать с постели, пойти на работу. Порой, глядя на Элли, он испытывал раскаяние. Она сидела возле него и плакала; он не знал, почему. Никакого просвета у него в душе, никакого потепления отношений под конец. Яд поразил желудок и кишечник, вызвал острое катаральное воспаление. После приема больших доз его рвало, начинался понос, какой бывает при холере. Он сильно бледнел, серел, у него болела голова, его мучила невралгия, появлялась слабость во всем теле. Подчас случались сердечные приступы, он погружался в полубморочное состояние, бредил.

Страшные дни в конце марта незадолго до его смерти потребовали от обеих подруг еще большего напряжения сил. Грета, несмотря на ее робость, держалась спокойнее Элли: она ничего не видела, ни с чем не соприкасалась, она просто радовалась тому, что где-то ради нее что-то делается.

Обе еще бросались громкими фразами о том, что скоро никто не сможет помешать их счастью. Но часто их пробирала дрожь от страха. Грета снова и снова успокаивала подругу, предупреждала ее, что потом, если ее будут допрашивать и она почувствует раскаяние, она может ненароком во всем сознаться. Однажды у нее случился радостный переполюх, когда Элли вдруг пришла к ней рано утром; она уж подумала, что та принесла долгожданное известие.

Редко в душе у Элли пробуждалось какое-то чувство к Линку. Одна мысль владела ею: пора с этим покончить. Порой она еще испытывала ненависть к мужу, но только оттого, что дело слишком затянулось. Часто ее вновь охватывал пьянящий, сладостный восторг, часто она сама внушала себе это ощущение, призывала его на помощь: я делаю это ради моей подруги, я должна доказать ей, что люблю ее, после того, как я причинила ей такую боль, вернувшись

к мужу. В ту пору она чуть ли не заставляла себя жить этой любовью, чего раньше с ней никогда не бывало. Но мало-помалу желание со всем этим покончить оттесняло любовь на второй план. Когда ее ненависть к Линку ослабла, любовь тоже пошла на убыль. Но отступить было уже поздно. Она стала подумывать и о своей смерти. Она высказывала эту мысль в завуалированной форме, рассуждая о том, как она собирается избежать наказания: «Если все выйдет наружу и наказание будет неминуемо, я тут же покончу с собой». И в другом письме: «Если все выйдет наружу, а мне уже все равно, то мои дни будут сочтены, как и его».

* * *

К концу марта двадцать второго года яд снова закончился и обе подруги, Элли и Грета, уже изнемогали от страданий, тревоги и страха. Грета разрешила

Элли отправить мужа в больницу. Элли пала духом. Сил у нее больше не было, и она с благодарностью написала подруге: да, так она и поступит; а если выйдет замуж во второй раз, то только за свою подругу.

Первого апреля 1922 года, в тот же день, когда Линка поместили в Лихтенбергскую больницу, он умер, тридцати лет отроду.

У Элли камень с души упал. О Линке она и не думала. На людях она изображала скорбь, но сама была совершенно счастлива, чувствовала себя свободной. Чему она радовалась? Тому, что ей больше не нужно никого убивать, что она вновь обрела себя, выздоровела. Она надеялась, что теперь у нее восстановится душевное равновесие. Что же такое произошло? Она лишь смутно чувствовала, что весь этот ужас, прежде переполнявший ее жизнь, куда-то

схлынул. Она не держала зла на мужа, она вообще о нем не думала. А если и думала, то с грустью. В те дни она писала родителям: под конец Линк изменился в лучшую сторону; он сдержал свое слово. С кем бы она ни говорила, она рассказывала о нем только хорошее. Для нее наступила пора счастья; вокруг нее снова был ее прежний ясный, чистый мир. Страх, которого она натерпелась за последние недели, сменился бурной радостью. У нее шла кругом голова; она ничего не соображала.

Она по-прежнему скрывала кое-какие чувства от Греты и делилась с ней только радостью. Она уже строила планы на будущее: выходить замуж она пока не собиралась, разве что потом, если подвернется какой-нибудь толстосум, который сможет ее хорошо обеспечить. «Теперь я молодая веселая вдова, – ликовала она, не считаясь с чувствами Греты, – я ведь хотела стать свободной к Пасхе. Мне нечего надеть,

так что нужно будет что-нибудь себе прикупить. А когда и к тебе придет счастье, твоя мама посмотрит и не узнает нас. Перед ней уже будут две веселые берлинские вдовы».

За последние недели Грета так перерывалась, что не могла дожидаться похорон. Она ведь знала все об убийстве Линка, а укрыватель – тот же вор. Сама она не пошла на похороны, там была только ее мать. Она старалась успокоить подругу: «Теперь этот подлый гад лежит в земле. Не будет ему покоя на том свете». Но в тот же день написала ей: «Любовь моя, сейчас, когда его опускают в могилу, ты, верно, думаешь обо мне, ведь, по большому счету, это я во всем виновата. У меня лицо пылает. На часах без двадцати четыре. Прямо сейчас, если все идет, как намечено, начнется торжественная церемония, и господин коммунист уберется из этого мира».

Элли не нуждалась в том, чтобы ее подбадривали. Щеголяя цинизмом, она,

хоть и не вполне искренне, кичилась перед подругой: «Я совершила все, что задумала. Так я доказала, что люблю тебя, что сердце мое бьется только ради тебя, а любовь к Линку до последнего дня была лишь притворством. А ты порой говорила, что я его жалею. Нет, любовь моя. Я счастлива только теперь, когда устроила все за четыре марки и заткнула его бесстыжую глотку».

Но потом мало-помалу у нее наступило отрезвление, похмелье. Матери Греты, фрау Шнюрер, она рассказывала о том, как болел Линк, как он все время рвался на работу и как часто она плакала оттого, что под конец он стал так ласков с ней. Часто на лице у нее появлялось тоскливое выражение. Наваждение прошло. Это был не страх перед наказанием, какой мучил Грету, а первые признаки ужасного просветления – возвращение в исходное состояние. Грета смотрела на Элли и сокрушалась, замечая, что та настроена против нее:

«Ну и загадку ты мне загадала. Какие только мысли и упреки не приходят мне на ум. Даже когда я захожу к тебе, ты держишься со мной так натянуто, словно все норовишь мне сказать, что это произошло с тобой по моей вине». Огорчалась Грета сильно. Как-то раз она в отчаянии сказала, что возьмет всю вину на себя; все равно Элли ее не любит по-настоящему; когда она вернулась к Линку, она могла бы жить с ним счастливо.

Сама вдова гнала прочь необъяснимую печаль, оправдывалась перед подругой: «Дорогая Гретхен, как ты можешь говорить, что я жалею Линка? Я что – недостаточно груба? Стала бы я так радоваться, если бы делала все по принуждению? Будь уверена, у меня в душе ничего не шевельнулось. Я была безжалостна, я действовала хладнокровно и ни о чем не жалею. Я испытываю лишь радость и счастье от того, что теперь я свободна».

В те дни Грета, стараясь не отставать от подруги и завоевать ее расположение, делала вид, что тоже настроена решительно и собирается разделаться со своим мужем. Возможно, она и впрямь тешила себя этими шальными мыслями. Ее подгоняла обида и страх за подругу. Но стоило ей сделать шаг вперед, как она тут же отступала на два шага назад. Она ходила к дряхлой старухе-гадалке по фамилии Фейст, раздобыла капли, рассказывала подруге, что дает их мужу. Она была сильно взбудоражена, любовь к подруге подталкивала ее к тому, к чему сама она не чувствовала склонности. Никакой ненависти к своему мужу она не испытывала, и когда она обнимала Элли, как бы хорошо ей ни было, она все равно грустила и плакала, так тянуло ее к мужу. Она все уговаривала подругу: «Подожди меня и будь мне верна. Осталось потерпеть совсем немного». И все это

вперемешку с восторженными мечтами о том, что Элли может переехать к ней и они заживут вместе с ее матерью. Какой ужас испытала Грета, при ее-то горячности и чувствительности, когда подруга категорично заявила ей, что не позднее Троицы она должна стать свободной, чтобы целиком принадлежать ей. Грета уныло читала письма Элли, в которых та рисовала заманчивые перспективы: как здорово жить одной, без всей этой беготни, не плясать под чужую дудку, ни на что не обращать внимания. Она видела, что Элли ребячлива, груба и, при всей ее веселости и бесшабашности, холодна как лед. Теперь Грета почувствовала внутренний разлад, она была на грани кризиса. Она чуть ли не обрадовалась, когда все раскрылось и разразилась катастрофа.

Предполагалось, что Линк умер либо от гриппа, либо от малярийной

лихорадки или вследствие отравления метиловым спиртом. В свидетельстве о смерти было указано отравление метиловым спиртом. Мать Линка, которая терпеть не могла невестку, дала делу ход. Ведь Элли сообщила ей о болезни сына только после того, как он умер, и потом сказала, что он отравился спиртом. Она обратилась в полицию и обвинила невестку в его смерти. Полиция допросила свидетелей. Судебные медики произвели вскрытие тела, некоторые органы были переданы химику доктору Бр. для химического анализа. В ходе химического анализа не удалось обнаружить следов метилового спирта или каких-либо медикаментов. Обнаружился лишь мышьяк, причем в значительном количестве. Яда было столько, что его хватило бы, чтобы отравить нескольких человек. Судебно-медицинские эксперты констатировали хроническое отравление посредством приема невероятно больших доз мышьяка.

В квартире фрау Линк провели обыск и нашли пачку писем Греты, а заодно и некоторые письма самой Элли, которые вернула ей Грета. Часть писем она припрятала в матрац. В эти дни, когда над ними разразилась гроза, фрау Бенде занемогла и слегла. Девятнадцатого мая, спустя полтора месяца после смерти Линка, полиция арестовала его вдову. Двадцать шестого мая была взята под стражу фрау Бенде. Дело было возбуждено и против фрау Шнюрер.

Появившиеся в прессе короткие сообщения об этом случае произвели настоящую сенсацию. Следствие продолжалось почти целый год. Судебное разбирательство проходило с 12-го по 16-ое марта 1923 года в берлинском областном суде.

Элли Линк с самого начала во всем созналась. Она вела себя как напуганная гимназистка. Затем она показала характер. Ненависть к мужу вспыхнула с новой силой; она почувствовала себя

невиновной; говорила в свою защиту, что убитый был настоящим злодеем.

Ее подруга была потрясена, до смерти напугана. И – вздохнула свободно. Ее преследовало застарелое чувство вины. Перед подругой совесть у нее тоже была нечиста. Со свойственной ей изворотливостью, она громко возмущалась, стараясь увильнуть от наказания, хотя и чувствовала себя виноватой. Она отрицала свою вину до самого суда; это была неумелая, неприкрытая ложь.

* * *

Угодив за решетку, Элли пришла в себя. От бывшего наваждения не осталось и следа. Теперь она не понимала, как с ней могло такое приключиться; сидя в камере предварительного заключения, она писала: «Что тут можно еще сказать. Я припоминаю все очень смутно, как будто это мне просто приснилось».

Страх она не чувствовала. Она больше не испытывала лютой ненависти к Линку, все чувства ее притупились, осталась лишь злоба, в том числе и на покойного Линка, и эта глухая неприязнь, это омерзение придавало ей силы. Твердая вера в то, что он был жесток и порочен: вот что ее расшевелило и заставило действовать решительнее. Родители в Брауншвейге стали хлопотать, чтобы ей помочь. Насколько беспечна была Элли, можно судить по тому, как она ополчилась на мать Линка, которая мало того что затеяла это расследование, так теперь еще и пыталась прибрать к рукам вещи Элли, вернее, то, что досталось ей в наследство от Линка. Элли стала тормозить адвоката, который когда-то принял у нее иск о разводе: неужели она должна с этим смириться? В конце двадцать второго года она попрекала в письме родителей и сестер: им следовало взять себе на хранение ее вещи. Она потеряла все,

что у нее было, она готова волосы на себе рвать. «Старухе просто нужен повод, чтобы усугубить мое положение, но пусть она только об этом заикнется, тогда я все выскажу, потому что это уже слишком. У Линка ничего не было, кроме драного белья. Если адвокаты не станут себя утруждать, все это может растянуться на годы. О, женщины! Почему они рожают таких бессердечных детей? Меня могут обобрать до нитки; старухе это понравится». Вслед за этим она пишет о том, что погода тут держится хорошая, а воздух просто чудный: «Только смотрите у меня – не болейте. Когда я приеду – чтобы все были здоровые и веселые. Прошу вас, обращайтесь аккуратно с моими пожитками; надо подумать, как мне быть; у меня ведь много обязательств. С сердечным приветом, ваша дочь и сестра, Элли».

Ей казалось, будто она отделалась от Линка, освободилась от него полностью.

Но душевное равновесие у нее так и не восстановилось. Теперь, когда наваждение прошло, когда ненависть и любовная страсть поутихли, когда ее собирались за них наказать, она снова вступила в схватку с Линком. Он все еще таился в ее душе. Он врос в самые сокровенные ее чувства. В камере предварительного заключения ей часто снились кошмары. Некоторые из них она записывала. Вот ее сны.

«Мы брели с мужем по лесу, подошли к краю обрыва с оградой. Нам стало страшно – там внизу разгуливали львы. Линк стал ругаться и сказал: «Я сейчас столкну тебя вниз!» Я и не заметила, как уже лежала внизу. Львы накинулись на меня, но я стала их гладить и ласкать, скормила им бутерброды, которые были у меня с собой. Они меня не тронули. Пока они ели, я полезла вверх по откосу и перебралась через ограду. А Линк рассвирепел и сказал: «Так ты, падаль, не подохла». Там была

калитка, она была просто прикрыта. Я толкнула Линка, и он полетел вниз. Львы его растерзали, и он лежал там в большой луже крови».

«Я была в комнате с маленькой девочкой, мы играли, забавлялись, миловались. Мы разучивали с ней какие-то фразы, которые ей нужно было сказать, и тут домой пришел Линк. Увидев его, мы вышли ему навстречу и сказали: «Здравствуй, папа, как прошел день?» Как только малышка выговорила несколько слов, он сказал: «Девчонка вся в тебя». Он вырвал девочку у меня из рук, схватил ее за ноги и шарахнул головой об угол стола».

«Линк купил собачку. Он хотел натаскать ее, чтобы она сторожила дом. Он схватил палку и начал ее зверски бить. Собака уже начинала выть, стоило ей услышать голос Линка. Я больше не могла видеть, как он мучает животное, и раскричалась: «Добром и любовью ты добьешься большего!» Но Линк меня не

слушал, тогда я отняла у него палку, ударила его по голове, и он упал замертво».

«В зале повсюду лежали мертвецы. Мне надо было их обмыть и обрядить, но я по неосторожности опрокинула скамью. Все мертвецы попадали на пол. Когда я их поднимала, мне стало так жутко, что я бросилась бежать или хотела закричать. Но я не могла сдвинуться с места, а крик застрял у меня в горле».

«Меня вызвали в суд. Мне назначили очень суровое наказание. Пока я ломала голову над тем, как бы мне покончить с собой без мучений, пришла надзирательница и сказала: «Я помогу вам». Она взяла нож и рассекла мне тело».

«Я услышала голос мамули, которая звала меня, и подошла к окну. Тут я услышала, как кто-то вошел ко мне в камеру. Он оттащил меня от окна».

«В моей комнате лежал совсем холодный человек. Не знаю, кто это был:

мужчина или женщина; может, это был мертвец, не помню. Человек был такой холодный, что мне стало его жаль. Я вытащила несколько тлеющих углей из печи и положила на кровать, чтобы ему было теплее. И в тот же миг всё загорелось, а я совсем потеряла голову, прямо как помешанная. Не передать, что ты чувствуешь, когда просыпаешься и понимаешь, что на самом деле ничего такого не было».

«В комнате стоял человек с ведром, а в ведре у него лежала змея. Этот человек указал змее, куда нужно ползти, и она обвилась вокруг меня и укусила меня в шею».

«Я разглядывала белое знамя с черным орлом и курила сигарету. Случайно я прожгла в нем дыру. За это меня отдали под трибунал и приговорили к пожизненной каторге. От отчаяния я повесилась».

«Мы перебрасывались четырьмя мячами. В воздухе мячи окрашивались

в разные цвета. Вдруг они превратились в человеческие головы, и они так на меня зыркнули, что мне стало страшно. Я испугалась и бросилась бежать. Но как я ни силилась, все равно не могла сдвинуться с места. Тогда я стала звать на помощь мамулю. Но крик застрял у меня в горле. Проснулась я вся в поту».

«Я шла по полю. Мы добрались до мельницы, вошли вовнутрь и попросили немного муки. Мельник оказался ужасно злой, он указал нам на дверь, и я так рассвирепела, что толкнула его прямо на мельничное колесо, и его разорвало в клочья».

«Мой муж все собирался уехать за границу. И вот он отправился в путь и взял меня с собой. На корабле я дивилась всему, что видела, и обо всем расспрашивала. Мои расспросы утомили Линка, и он выбросил меня за борт. Но кто-то это заметил и спас меня. Когда Линк меня снова увидел, ему это не

понравилось; я ему надоела. Тут до меня дошло, что он нарочно взял меня с собой, чтобы от меня избавиться. Я его толкнула. Линк как-то неудачно упал в воду и больше не всплыл. Но я все равно вижу, как он ходит за мной».

«„Ты же мне давно обещал купить туфли, так сделай, как я прошу“. „Хорошо, куплю тебе деревянные башмаки. Для тебя сойдет“. Я сказала: нет уж, спасибо, тогда мне ничего не нужно. Как только я произнесла „спасибо“, он ударил меня по голове, так что у меня в глазах потемнело. Когда я пришла в себя, мы уже сидели в трамвае. Линк сказал: „Ну чего – утомонилась?“ Только тут я сообразила, что вообще произошло. Я просто не могла сдержаться. Когда мы выходили, я толкнула его под трамвай, и тот сразу его переехал, так что он лежал весь искромсанный в луже крови».

Когда Элли сидела в тюрьме, она часто видела во сне и в полудреме

предметы и лица, которые разрастались до ужасных размеров. По ее словам, у нее от этого болели глаза; она так боялась что-нибудь выкинуть помимо своей воли, что у нее начинало колотиться сердце. Часто она ловила себя на том, что ходит во сне. Ей было страшно спать, она делала холодные обтирания. От этого ей становилось лучше; но она так и не смогла избавиться от дурных снов.

Ее подруге, Грете, по ночам тоже часто снился муж. Он надвигался на нее, угрожая кинжалом или топором. Она вся сжималась от дикого ужаса. Но бывали у нее и куда более беззаботные, приятные сны. Она бежала по зеленому лугу, заросшему цветами, порой видела во сне яркий снег, выгуливала свою собаку. Очень часто ей снилась мать, и тогда она начинала плакать во сне, так что соседке по камере приходилось ее будить. Ей снилось, что муж ругается с ее матерью. Снилась ей и фрау Линк, ее

подруга Элли, которая стояла перед ней, плакала и говорила: «Линк снова меня избил».

Все эти события, арест, допросы, сильно взволновали Элли. Она не просто пришла в себя; судя по ее сновидениям, в ней произошли перемены. Только теперь она со всей ясностью увидела, что она совершила; только теперь убийство Линка стало для нее реальностью. Страсть уже не ослепляла ее, и в ней заговорили родственные чувства, семейные инстинкты, которые расшевелил арест и суд. Вот откуда хлынули мощные потоки коллективных чувств. Днем она казалась веселой и спокойной, но по ночам и во сне ее жгли изнутри неискоренимые обывательские чувства. Ее тянуло к родителям, к матери: она шла на зов своей мамули, но ее оттаскивали от окна в камере. Преступление – вот что разлучало ее с матерью.

Без устали она билась над непостижимым фактом: «Линк мертв, я его

убила», и не знала, как с этим быть. В ее снах снова и снова происходило убийство, ей все время приходилось убивать, – к этому подталкивали ее семейные инстинкты, – и каждый раз она находила себе новые оправдания. Ее сны – это сплошная борьба; противостояние между изобличающими семейными инстинктами, которые стремились получить безграничную власть над Элли, и другими силами, действующими в столь же здоровом стремлении сдержать напор этой ужасной стихии, способной ее раздавить. Чтобы оправдать себя, она вообразила падение с обрыва в яму со львами. Элли показала, почему она отдала мужа на растерзание львам. Они шли вместе по лесу, как шли вместе и по жизни, по несчастной семейной жизни. Они подошли к ограде, дальше была запретная область, пропасть, насилие, ненависть, порок. Муж хотел сбросить ее туда; ему это не удалось; она спаслась. Он упал туда

сам. Все по справедливости. Во сне она защищалась только от его порочности, но не от своей.

Во сне она изображала его жестокость; ярче всего в той сцене, где он схватил за ноги девочку, которая хотела с ним поздороваться, и ударил ее головой о край стола. Но тут она выразила и еще более сокровенное чувство. Она сама была этой маленькой девочкой, видела в Линке отца, искала в нем отцовские черты. Ей хотелось называть его отцом, выходить ему навстречу, как выходила во сне маленькая девочка. Но он страшно ее разочаровал. Он провинился перед ней. Он пытался ее убить, пытался убить ребенка, который жил в ее душе. Так втайне она взывала о помощи к родителям, призывала их в свидетели: они-то уж ее пожалеют. Ей снилось, как он выбросил ее за борт корабля, ударил по голове. Жизнь с Линком была для нее разочарованием: он обещал ей купить туфли, а вместо них

предложил деревянные башмаки, да еще добавил, что для нее и это сойдет. В сцене со змеей, которая выползла из ведра и впиалась ей в шею, угадываются отголоски его сексуальных домогательств.

А значение своего преступления она стремилась умалить; она, дескать, просто курила сигарету и по неосторожности прожгла дыру в белом знамени с черным орлом. Вот и все, в чем она провинилась перед законом.

Она не хотела думать об убийстве и Линке. Она мучилась от того, что ее преследовали мысли об убийстве, о нем, о том, кто уже был мертвецом. В зале повсюду лежали мертвецы и ей поручили их обмыть и обрядить. Она хотела отринуть их от себя, хотела убежать, но они ее не отпускали.

Зато уж садистические чувства, эта горячая любовь пополам с ненавистью, которую он в ней пробудил, все еще не утихла и бушевала в ее снах с прежней силой. Этими узами она была

еще связана с мертвецом. Как все переплелось у нее в голове: она хотела очиститься, стать ребенком, вернуться к родителям, и это желание порождало такие фантазии, а они, в свой черед, утоляли ее садистический голод. Ей было жутко, она пыталась вырваться, но тщетно. Совесть, как колючая проволока, преграждала ей путь к родителям, а оставаться там, где царила ненависть, она не хотела. Она металась, искала спасения в смерти; на помощь ей пришла надзирательница – рассекла ей тело ножом. Однажды во сне она повесилась. Совершила то, что много раз пытался сделать ее муж. В этом сновидении с флагом военно-морского флота она напрямую отождествила себя с мужем, который был на войне матросом, и наказала себя, разделив его участь.

Она вообще наказывала себя этими фантазиями. Она боялась их и осуждала себя на них.

Она выглядела и вела себя как безобидная, ни в чем не повинная, спокойная женщина. Но внутри у нее опять царил разлад, там шла напряженная борьба с силами, которые не пускали ее обратно к родителям.

Она не забыла Грету. Об их интимной связи напоминает причудливая игра с четырьмя мячами. А еще ей приснилось, что у нее в комнате лежит «совсем холодный человек», вокруг которого она суетится и хлопочет, пытаясь его согреть и вернуть к жизни. Этот человек, – она говорит об этом сдержанно, но вполне откровенно, – не был ни мужчиной, ни женщиной. Странно, что он вызвал у нее такую жалость, ведь она уже сроднилась со смертью. Это был не покойный Линк. Наконец-то, не он. Она еще была привязана к Грете, и теперь ясно, что их разделяло не только расстояние, но и желание Элли разорвать эти узы. Элли стыдилась этого желания, но не могла от него избавиться. Она

старалась отринуть это желание, как пыталась отринуть мертвецов и убийство. Очевидно, что это желание было тесно связано с Линком и преступлением, которое она совершила. Но очарование еще не рассеялось полностью. Она ведь хотела оживить Грету, вернее, делала вид, что хочет. Средства для того, чтобы ее согреть, она выбрала самые неподходящие – тлеющие угли. Разумеется, ее холодное тело сгорело. Элли хотела, чтобы Грета была с ней, и не хотела этого. Когда от углей загорелась кровать, Элли совсем потеряла голову, «прямо как помешанная». Она призывала на помощь безумие, как прежде искала в смерти спасения от другого, еще более тягостного душевного разлада.

Когда Элли оказалась в тюрьме, ее внутренняя жизнь стала еще более напряженной. С немалым трудом, балансируя на грани легкого психоза, она начала меняться в стремлении вновь воссоединиться с семьей.

С ее подругой Гретой за время заключения ничего особенного не произошло. Это была натура более бесхитростная, изворотливая и беспринципная. Всю свою жизнь она крепко держалась за мать; главный человек в ее жизни был цел и невредим. Слабой, ревнивой и чувствительной Грете было в чем упрекнуть Элли. Но она любила ее, любила даже во сне, лелеяла свою любовь. Элли была для нее ребенком, которого она оберегала от злого мужа.

* * *

Подробности судебного разбирательства, проходившего с 12-го по 16-ое марта, смаковали во всех берлинских и во многих провинциальных газетах. Каждый день появлялись новые статьи с сенсационными заголовками: отравление на почве любви, любовные письма отравительниц, уникальное преступление.

Элли Линк сидела на скамье подсудимых, белокурая и невзрачная, робко отвечала на вопросы. Рослая Маргарита Бенде появилась с кожаным поясом на тонкой талии; густые волосы аккуратно завиты, выражение лица – решительное. Ее мать сильно волновалась, то и дело плакала. Фрау Элли Линк обвинили в «двух преступных деяниях, имеющих целью посягательство на жизнь человека, а именно ее супруга, в каковом случае было совершено предумышленное убийство; а также в сознательном пособничестве словом и делом фрау Бенде в совершении преступления, а именно в покушении на убийство ее мужа господина Бенде».

Фрау Маргарите Бенде предъявили обвинение «в двух преступных деяниях, во-первых, в сознательном пособничестве посредством советов фрау Линк в совершении преступления, а именно в убийстве ее супруга господина Линка.

Во-вторых, в осуществлении замысла, направленного на убийство человека, а именно ее супруга господина Бенде, путем совершения намеренных и умышленных действий, имевших целью подготовку к исполнению одного, но не включающих в себя совершенного преступления».

Мать Греты, фрау Шнюрер обвинили «в двух преступных деяниях, а именно в том, что она, получив достоверные сведения о намерениях, направленных, во-первых, на убийство господина Линка, во-вторых, на убийство господина Бенде, в то время, когда преступление могло быть предотвращено, не известила об этом в должный срок органы власти или лиц, которым угрожало данное преступление, в каких-либо обстоятельствах было совершено убийство господина Линка и преступное покушение на убийство господина Бенде».

Ответственность за перечисленные преступления и преступные деяния

предусмотрена статьями 211, 43, 49, 139, 74 Уголовного кодекса.

Суд заслушал двадцать одного свидетеля, в том числе мужа Греты Бенде, мать покойного Линка, отца Элли, квартирную хозяйку четы Линк, аптекаря и гадалку. В качестве свидетелей и экспертов выступили врачи, которые занимались лечением больного Линка, а также судебные медики, производившие вскрытие, и химик, который провел химический анализ внутренних органов покойного. Было принято к сведению и мнение приглашенных психиатров.

В ответ на первый вопрос председателя суда, признает ли Элли Линк, что давала своему супругу мышьяк, она ответила утвердительно. Затем она сообщила, что хотела освободиться от своего мужа. По ее словам, он часто приходил домой пьяный, обращался с ней так же плохо, как со своей матерью, угрожал ей ножом и резиновой дубинкой, избивал ее, устраивал беспорядок в

квартире, в супружеской жизни принуждал ее к гнусностям. «Вы хотели отравить вашего мужа?» «Нет. Я все время думала о том, что он меня бьет, что ему меня совсем не жалко. Поэтому днем и ночью меня преследовала лишь одна мысль: только бы освободиться. Из-за этого я уже ничего не соображала». Председатель выразил сомнение и спросил ее, о чем же она думала, когда добавляла мужу в еду зараз целую чайную ложку мышьяка, после чего он тяжело заболел, был помещен в больницу и там скончался. Фрау Линк ответила: «Я думала об издевательствах. Он бил меня как сумасшедший, поэтому я сама не понимала, что делаю». Когда председатель указал на то, что ни в своем иске о расторжении брака, ни в письмах, адресованных фрау Бенде, она ни словом ни упоминала об этих ужасах, фрау Линк заявила: «Я не говорила об этом, потому что мне было слишком неловко; но я обращалась с разными

жалобами к своему адвокату». На этом допрос Элли Линк был завершен, после чего по просьбе своего адвоката доктора Б. она подробнее рассказала об издевательствах, которым она подвергалась со стороны мужа.

Председатель суда, обращаясь к фрау Бенде: «Есть основания полагать, что она пыталась отравить своего мужа, как и фрау Линк; она получила от гадалки на картах снадобье, которое, к счастью, оказалось безобидным белым порошком». Фрау Маргарита Бенде: «Я часто бывала у фрау Ф. и просила ее погадать мне на картах, потому что верю в гадания. Поначалу я любила своего мужа, потому что надеялась на взаимность. Я вышла за него замуж без задних мыслей, в расчете лишь на любовь. Но наш брак оказался неудачным, потому что мой муж связался с преступниками и высмеивал меня за мою любовь к родине и веру в Бога, в которой меня воспитывали с детства.

Кончилось все тем, что он грозился меня зарезать или прибить, а когда я говорила: мне-то что с того, а вот ты хлебнешь за это сполна, он отвечал: мне ничего не будет, я прикинусь сумасшедшим». Она тоже утверждает, что не упоминала об этом в своих письмах, поскольку ей было стыдно. Как она уверяет, каверзные высказывания, которые встречаются в ее письмах, это просто невинная болтовня. Она настаивает на том, что не злоумышляла против своего мужа. Хотя у нее были кое-какие подозрения насчет фрау Линк, она не знала, что та собирается убить своего мужа. Впервые за долгое время они встретились на заседании суда, на скамье подсудимых, за барьером. Ни одна из них не знала, что у другой на уме, и они испытующе поглядывали друг на друга. Они тихонько радовались. Они друг друга не предали.

Третья подсудимая, мать фрау Бенде, сквозь слезы: «Я ни о чем таком не

знала. Если бы мне стало об этом известно, я бы, как старая женщина, постаралась предотвратить это несчастье».

С перерывами было зачитано вслух шестьсот писем. Что касается свидетелей, то суд с особым вниманием заслушал показания господина Бенде, который оказался таким грубоватым здоровяком. Симптомов отравления он у себя не замечал. Любопытное сообщение сделал химик. Оказывается, в марте в волосах, взятых с головы господина Бенде, был обнаружен мышьяк. В организме, главным образом, в волосах и коже следы мышьяка остаются в течение двух лет; впрочем, результаты исследования не позволяют судить о количестве принятого мышьяка. На это ему возразили, что господин Бенде принимал во время лечения медикаменты, в состав которых входит мышьяк. Фрау Бенде и ее мать горячо уверяли, что видели у него рецепт на такое лекарство, хотя сам он это отрицал. Под

давлением ему пришлось сознаться в том, что у него бывали кое-какие заскоки в половой жизни. На второй день, уже под конец судебного заседания, по завершении утомительной процедуры чтения писем, которые живо напомнили подсудимым о тех ужасных днях, у них произошел нервный срыв. Громко рыдая, они прощались друг с другом. Фрау Бенде бросилась в объятия матери с криком: «Мамочка, помни о своей единственной дочери. Господь нас не оставит».

Незадолго до завершения чтения писем был вызван свидетелем отец Элли. Многие происходило прямо у него под носом, но он ничего не замечал, да и сейчас мало что понимал. Человек он был простой и бесхитростный. Элли любила его и до сих пор не сомневалась в чистоте его помыслов. Согласно его показаниям, дочь не раз жаловалась ему на то, что муж плохо с ней обращался. Очень важным свидетелем был товарищ

Линка по работе. Он с уверенностью заявил, что, будучи в подпитии, господин Линк вел себя как грубиян, склонялся к половым излишествам и хвалился такими выходками. По этой причине свидетель раздружился с Линком.

Когда по просьбе прокурора суд вновь вызвал господина Бенде, чтобы заслушать его показания о предполагаемом отравлении пищи, в зале разыгралась бурная сцена. Фрау Шнюрер, которая до сих пор вела себя сравнительно спокойно, вскочила и с покрасневшим лицом закричала на зятя: «Вы заставили мое дитя проглотить столько яда, сколько в вас бы и не влезло. Этот человек отравил мое дитя, и потому я благодарна этой женщине (фрау Линк) за то, что она сделала. Если бы не она, мое дитя уже лежало бы в земле».

Из числа приглашенных экспертов, которых вызвали после химика и двух врачей, производивших вскрытие, первым свое пространное заключение

изложил санитарстрат доктор Юлиус-бергер, врач, сведущий в психологии и психиатрии, человек культурный и образованный. Он назвал это дело необыкновенным и сложным. Никто не знает, когда природа берет свое и начинается болезнь. Фрау Линк с удивительным равнодушием сменяет одни чувства на другие. Очевидно, что натура она весьма поверхностная. Чувствуется, что она не способна на обдуманную, здоровую эмоциональную реакцию. И в любви к подруге, и в ненависти к мужу она не знала меры. В письмах нет упоминаний о развратных действиях мужей, поскольку женщины вообще скорее будут терпеть жестокое обращение, чем расскажут врачу о своей супружеской жизни. Эти письма могут служить ярчайшим примером графомании. Эти письма, которых за пять месяцев накопилось шестьсот штук, притом, что на один день зачастую приходится по несколько писем, свидетельствуют о

том, что их взаимная страсть переросла в болезнь. По содержанию эти письма являют собой смесь жестокости и экзальтированного сладострастия. Нередко в них попадаются и строки, полные искреннего сострадания. Все они писались в состоянии, напоминающем опьянение, которое, несомненно, носило патологический характер. «Читая эти письма, мы почти физически ощущаем, как сильно была одурманена любовью и ненавистью в первую очередь подсудимая фрау Линк». Натура она инфантильная, легко поддающаяся чужому влиянию. Она была всецело предана фрау Бенде и хотела представить ей доказательство своей любви. Она не уничтожила ее письма, хотя хранить их было опасно. Кто-то мог бы усмотреть в этом пресловутую потребность в наказании. Иной сочтет это признаком слабумия. Но, скорее всего, в свете опьянения, в котором пребывала Элли Линк, эти письма представлялись ей россыпью

сокровищ, служили для нее своего рода фетишами. Где же можно различить переход к патологии? В беспамятство она не впадала. Нет и намек на бредовые идеи и галлюцинации. Случай этот, по мнению нашего осторожного, гуманного и чуткого эксперта, балансирует на грани патологии. Фрау Линк была, так сказать, в плену гипертрофированных чувств. В ее случае мы имеем дело с болезненной экзальтацией. Так что, нельзя сказать, что это дело не подпадает под статью 51 (освобождение от наказания ввиду невменяемости подсудимого), как и нельзя утверждать, что оно под нее подпадает. Фрау Бенде эксперт считает натурой более волевой и деятельной. Судя по ее характеру и ряду ее писем, у нее, как полагает эксперт, нервное напряжение не было таким сильным и болезненным, как у фрау Линк, скорее она чувствовала себя ущербной. Он думает, что и этот случай балансирует на грани.

Вторым экспертом был санитарсрат доктор Х., коренастый, широкоплечий мужчина с кустистыми отвислыми усами. Это человек здравомыслящий, пунктуальный, к тому же ученый и борец. Самый опытный специалист по таким особым делам, замешанным на однополной любви. Он пришел к выводу, что это методичное отравление было следствием глубокой ненависти. У подсудимой фрау Линк имеются признаки отставания в физическом и умственном развитии, фрау Бенде отличается умственной ограниченностью, обусловленной дурной наследственностью. Он отметил, что при графомании такого рода наблюдается склонность к преувеличению, так что не стоит принимать на веру все, что указано в письмах. Столь глубокая ненависть, как он полагает, обусловлена гомосексуальными наклонностями обеих женщин, которые вследствие этого крайне болезненно воспринимали требования своих мужей и в стремлении

друг к другу руководствовались навязчивой идеей – «только бы освободиться», как сказала сама фрау Линк. Такая фанатичная ненависть, безусловно, ограничивает вменяемость подсудимых, однако ни ненависть, ни гомосексуальные наклонности, по его мнению, не исключают свободного проявления воли, как это трактуется в статье 51. Впрочем, отвечая на вопрос адвоката, он признал, что первый эксперт мог быть прав, хотя лично он не видит оснований для применения статьи 51.

Член судебно-медицинского совета доктор Т.: «Подсудимая фрау Линк действовала методично и продуманно. Однако, поскольку умственно и физически она не совсем полноценна, деяние ее следует расценивать иначе, нежели поступки полноценного человека».

Четвертый эксперт, санитарсрат доктор Л., напротив, заявил, что подсудимая не заслуживает ни малейшего снисхождения. Он утверждал, что ни в

одном из ее поступков нельзя усмотреть проявление несамостоятельности. Нет никаких оснований считать ее неполноценной; если уж на то пошло, то любого преступника можно назвать человеком неполноценным, поскольку он лишен обычных моральных устоев. Безудержность и безрассудство являются характерной чертой любой страсти; страсть может быть слабее или сильнее в зависимости от склонностей человека, но ни о какой болезни тут не может быть и речи.

Первый обвинитель призвал присяжных заседателей признать фрау Линк виновной в убийстве, а фрау Бенде – в пособничестве и покушении на убийство. Продолжительность преступления и письма подсудимых ясно указывают на то, что фрау Линк действовала совершенно обдуманно. Предположению о наличии смягчающих вину обстоятельств противоречит холодная жестокость и злоба, которой пышут эти

письма. Обе подсудимые могли воспользоваться правом на развод.

Пришел черед юристов, адвокатов. Защитник фрау Линк, адвокат доктор А. Б.: «Вступая в брак, подсудимая ожидала от него многого, но затем была вынуждена сносить изощренные, гнусные издевательства со стороны мужа. Его грубое обращение, в конце концов, толкнуло ее в объятия женщины. Эта страсть переросла в безумие. Так она решилась на преступление. Состояние ее было таково, что она ни в чем не отдавала себе отчета и не могла трезво мыслить. Может показаться, что действовала она целенаправленно, но именно так ведут себя сумасшедшие в минуты безумия. Отталкивающая жестокость в письмах, неодолимая графомания, потребность хранить письма – все это указывает на состояние аффекта и степень его выраженности». Учитывая заключение первого эксперта – он затрудняется ответить на вопрос о

правомерности применения статьи 51, – и заявление второго эксперта – он допускает, что первый эксперт рассуждал верно, – следует руководствоваться известным юридическим принципом: в случае сомнения вопрос решается в пользу подсудимого.

Адвокат фрау Бенде доктор Г., заявил, что обвинения против его подзащитной выдвинуты только на основании писем, которые не могут служить надежным доказательством. Человек, которого она будто бы пыталась отравить соляной кислотой, даже не смог ничего припомнить о предполагаемом покушении на убийство. Столь же беспочвенны подозрения в укрывательстве, в котором обвиняют фрау Шнюрер, поскольку все это тоже основано только на письмах.

После того как присяжные заседатели заслушали эти выступления, им было предложено ответить на двадцать вопросов: виновна ли фрау Линк в убийстве

или неумышленном убийстве, путем отравления, а также в пособничестве фрау Бенде в покушении на убийство; виновна ли фрау Бенде в пособничестве в убийстве господина Линка и в покушении на убийство или неумышленном покушении на убийство, путем отравления; виновна ли фрау Шнюрер в сокрытии полученных ею сведений о задуманном преступлении.

И вот, удалившись в комнату для совещаний, присяжные, люди серьезные и спокойные, оказались наедине со странными вопросами, на которые им нужно было ответить, и многие совсем притихли. Тут собрались не горячие головы, не разъяренные мстители, не воины с мечами и в шкурах, не средневековые инквизиторы. До них была проведена большая работа. Почти на полгода растянулось предварительное следствие. Прошлое подсудимых копнули глубоко. Группа специалистов изучила тело и душу обеих женщин и постаралась

вывести общее представление на основе многочисленных сведений. Заявления прокурора и адвоката проливали свет на произошедшее. Тем не менее, в центре разбирательства оказалось не само преступление, не отравление как таковое, а почти его противоположность: всех интересовало, как это случилось, как такое вообще могло произойти. Делались даже попытки доказать, что это было неизбежно: такие нотки звучали в заявлениях защитников.

«Виновен-невиновен» – не это уже было главное, а была мучительная неопределенность – стремление разобраться в причинах, понять, вникнуть.

Покойный Линк не отпускал Элли, которая его по-настоящему не любила. Надо ли его за это винить? Вообще-то, надо бы; ведь это послужило мотивом, а значит и причиной всего, что произошло потом. Он дважды удерживал Элли против ее воли, мучил ее, издевался над ней.

Он уговорил Элли выйти за него замуж. К тому времени она еще не успела повзрослеть, в половом отношении была холодна или со странностями. Женские органы у нее еще не были достаточно развиты. Она отказывала мужу. Это раздражало его, раздражало ее, так возникла ненависть, а потом произошло и все остальное.

Да и ее подруга. Сложно, невозможно было в таком ключе рассуждать о виновности, о том, кто виноват больше, кто меньше. У присяжных было такое чувство, словно их заставляют обвинять матку, яичники в том, что они развились именно так, а не иначе. Стоило бы вынести приговор и отцу Элли, который вернул ее мужу, – но ведь он был идеальным воплощением мещанской морали. С таким же успехом они могли бы вынести приговор себе.

Однако важнее всего было другое: произошло преступление; как сделать так, чтобы подобное не повторилось.

Требовались решительные меры. Суд поставил перед ними вопрос не об ответственности, не о «вине» убитого парня, отца, матери этого парня; на суд было вынесено лишь одно – убийство. Грех допустим лишь в известных пределах; когда кто-то преступает эту черту, нужно принимать меры. Присяжным полагалось закрыть глаза на все поступки, которые не выходили за эти рамки; они не должны были принимать во внимание последовательность событий. По сути дела, нелогично было сначала ознакомить их с этой последовательностью и затем призвать их к тому, чтобы они о ней позабыли. Им дозволялось лишь мимоходом, вскользь вспоминать об этой последовательности: они должны были ответить на вопрос по поводу состава преступления и потом решить, имеются ли смягчающие вину обстоятельства.

После двухчасового совещания они вернулись в зал и огласили свой вердикт:

фрау Линк виновна в преднамеренном убийстве, совершенном без умысла, со смягчающими вину обстоятельствами. Фрау Бенде невиновна в покушении на убийство, но виновна в соучастии; тут присяжные не усматривают смягчающих вину обстоятельств. Подсудимая фрау Шнюрер в укрывательстве невиновна.

Прокурор вновь занял свое место и, держа перед собой Уголовный кодекс, потребовал самого сурового наказания, предусмотренного законом за это преступление: для фрау Линк – пять лет тюрьмы, для фрау Бенде сначала – полтора года тюрьмы, по недоразумению, поскольку он прослушал заявление присяжных об отсутствии смягчающих вину обстоятельств, – а затем пять лет каторжных работ. Ошеломленный защитник фрау Бенде поднялся и назвал это парадоксом: убийцу приговаривают к тюремному заключению, а пособницу к каторжным работам. Очевидно, присяжные не стали бы заявлять, что не

находят в случае фрау Бенде смягчающих вину обстоятельств, если бы их уведомили о грозящем ей наказании. Напуганные присяжные закивали.

Когда прокурор огласил свое требование, фрау Бенде и ее мать заголосили. Их защитник тут же обратился к суду с просьбой назначить фрау Бенде самое мягкое наказание, какое допускает в этом случае закон.

Элли Линк приговорили к четырем годам тюремного заключения, ее подругу – к полутора годам принудительных работ. В качестве смягчающих вину обстоятельств было принято во внимание грубое обращение мужей, в качестве отягчающего вину обстоятельства – жестокость, с которой было совершено преступление. По этой причине фрау Линк была лишена гражданских прав на шесть лет, а фрау Бенде – на три года. Время нахождения под следствием было зачтено обеим. Мать фрау Бенде была освобождена в зале суда.

Присяжные, пораженные суровым приговором, вынесенным фрау Бенде, еще не до конца успокоившись, собрались после окончания заседания и составили апелляционную жалобу с просьбой заменить ей каторжные работы на тюремное заключение.

* * *

Обе женщины, которые вместе убили тридцатилетнего парня, отправились в тюрьму, где провели долгие годы. Они сидели там, считали дни, праздники, следили за приходом весны и осени и ждали. Ждать – в этом и заключалось наказание. Скука, однообразие, бездействие. Это было настоящее наказание. У них не отняли жизнь, как они отняли у того парня, но забрали часть жизни. Тяжкая, безоговорочная власть общества, государства подмяла их под себя. Они совсем сникли, увяли, ослабели. Линк не был мертв; здесь исполнялась

его последняя воля; каждой досталась своя доля его наследства в виде одиночества и ожидания, Элли – в виде снов.

Для государства это наказание было слабой защитой. Оно не стремилось изменить обстоятельства, которые вскрылись в ходе следствия, не боролось с ужасным чувством ущербности, стубившим Линка: чувство это по-прежнему пускало свои корни повсюду.

Государство не учило родителей, наставников, священников быть чуткими, не связывать то, что разделил Господь. Оно действовало как тот садовник, который вырывает справа и слева пучки сорной травы, не замечая, что семена ее разлетаются повсюду. И когда он закончит полоть, ему придется развернуться и двинуться обратно: у него за спиной уже пробиваются новые сорняки.

Заметки в газетах. Доктор М. в одной берлинской газете: «Убийство мужа на почве сексуальной страсти к женщине, вот чего все ждали. Но все оказалось

не так. Убийство совершено, убийство умышленное, но право – глядишь на это невзрачное создание с невинной белокурой птичьей головкой, смотришь в эти холодные серо-голубые глаза, слушаешь нежные, но совершенно безумные строки из писем, и только головой качаешь. Сущее дитя, ей только ласка нужна, не любовь, сошлась с мужчиной, который не умел быть нежным, а умел только мучить и издеваться. И вот эта страдальца находит женщину одного с ней возраста, такую же несчастную, ищет спасения в объятиях своей товарки, находит опору в ее сильном характере. Дружба с эротической подплекой перерастает в сексуальную связь. Ясное дело, у них возникает замысел освободиться от мужей-мучителей».

В газетах, принадлежащих к разным политическим и религиозным партиям, затеяли спор по поводу приговора. В одной конфессиональной

газете писали: «Коллегия присяжных в Моабите снова вынесла на удивление мягкий приговор, – как установлено, мотивом преступления послужили сексуальные извращения и вызванные ими разногласия между супругами, и этого объяснения было вполне достаточно. Однако суд заслушал преступниц, которые пытались себя выгородить, живописали жестокое обращение и гнусные домогательства убитого. В довершение всего милосердные присяжные направили еще и ходатайство о помиловании убийцы. Пусть во времена всеобщего падения нравов и позволительно проявлять сострадание к отдельным преступникам, но что станет с обществом, если преступников будут судить с таким снисхождением? Стали бы присяжные, судьи и адвокаты выказывать такое добросердечие, если бы жертвой был их родственник? Разве наказание не должно служить средством устрашения или наши нынешние представители

правосудия поголовно сделались противниками теории устрашения?»

Эксперт доктор Х., многоопытный специалист по вопросам однополой любви, опубликовал в одном журнале статью под заголовком «Опасный приговор», где изложил свои соображения по поводу вынесенного приговора, который «по мягкости, пожалуй, не знает себе равных в истории преступлений». Сам по себе гомосексуализм обусловлен не преступными намерениями, а дурными задатками. Такие наклонности ни в коей мере не дают гомосексуалистам права применять силу для устранения препятствий и тем более людей, которые мешают их воссоединению. Однако произошло именно это. Вердикт присяжных позволяет этим молодым женщинам всего через несколько лет выполнить свое намерение и стать сожительницами. Доктор Х. самым решительным образом выступает против попыток усмотреть в

гомосексуальных склонностях основания для оправдания убийц, совершивших столь злодейское отравление. Можно назвать трагической случайностью то, что отец обвиняемой фрау Линк, которая была неспособна к супружеству и материнству, дважды возвращал ее к мужу: жена принадлежит мужу. Умственные недостатки у обеих женщин – у фрау Линк наблюдается отставание в развитии, инфантилизм, а у фрау Бенде – тупость на грани слабоумия – не столь значительны, чтобы исключить свободное проявление воли. Наверняка Линк, будучи явным невропатом, склонялся к самоуничтожению из любви к жене; равнодушие и холодность жены выводили его из себя, его ярость пугала ее еще больше, ее упрямство – еще больше его бесило. Опыт у доктора Х. большой, и он знает, что такие вот подруги вполне способны отравить жизнь мужчины. Как-то одна такая женщина написала ему: «Горе тому

мужчине, который выберет одну из нас на ярмарке невест; мы лишим его счастья в жизни, даже сами того не желая». Но в этом случае был совершен преступный шаг от метафорического отравления к отравлению реальному. И, как специалист, он считает своим долгом сообщить о том, какие опасные последствия может иметь столь мягкий приговор, более того, какой вред обществу он может нанести. Он указывал на необходимость полового просвещения, призывал вновь признать непреодолимую антипатию законным основанием для развода: «Государство, которое доверяет людям на свое усмотрение принимать решение о вступлении в брак, поступит последовательно, если в вопросе расторжения подобного брака будет придерживаться того же принципа».

В небольшой научной статье, посвященной этому случаю, некто К. Б., ученик вышеназванного эксперта, поставил такой вопрос: была ли ненависть

этих женщин обусловлена исключительно жестокостью их мужей, и явилась ли их гомосексуальная любовь следствием развившейся антипатии к противоположному полу, или же они были предрасположены к гомосексуальности от рождения, и именно эта склонность стала главной причиной дисгармонии в браке? Надо полагать, фрау Линк до замужества не вступала в половую связь с мужчинами, ей нравилось их завлекать и оставлять ни с чем. На одной фотографии она запечатлена в солдатской форме; ее фигура и жесты мужеподобны, что типично для женщин с гомосексуальными наклонностями. У фрау Бенде эти черты выражены не столь явно. Тем не менее, лицом и характером она еще больше напоминает мужчину, стало быть, учитывая их гомосексуальные отношения, вероятность наличия врожденной гомосексуальной предрасположенности весьма высока.

* * *

Обе женщины понесли наказание. Брак Греты Бенде распался по вине обоих супругов: она была повинна в преступлении, он – в прелюбодеянии.

Кеннет Грант ПРОТИВ СВЕТА

Кеннет Грант (р.1924) – крупнейший британский оккультист, ученик Алистера Кроули и Остина Османа Спейра. Основатель Ложи Новой Изиды и Тифонианского Ордена Восточных Тамплиеров, – магических обществ, работающих с темной стороной кабалистического Древа Жизни. Автор девяти книг, объединенных в циклы «Тифонианских трилогий». В романе «Против света» (1997) Грант изучает свою оккультную родословную, восходящую к ведьме Аврид, казненной в 1588 году за сношения с дьяволом в образе крокодила. Русский перевод книги публикуется впервые.

«Против света» – книга для отважных читателей, готовых бродить по темным лабиринтам и разглядывать удивительные картинки в сюрреалистическом калейдоскопе. Этот роман дышит мрачной роскошью болотного царства, где твердую почву сменяет податливая трясина. Врата, которые отыскал Кеннет Грант, открыты для всех, кто рискнет погрузиться в ошеломительные извивы нелинейного повествования.

Иэн Фрайз

Роберт Вальзер РАЗБОЙНИК

«Разбойник» (1925) Роберта Вальзера – лабиринт невесомых любовных связей, праздных прогулок, кофейных ложечек, поцелуев в коленку, а сам главный герой то небрежно беседует с политиками, то превращается в служанку мальчика в коротких штанишках, и наряд разбойника с пистолетом за поясом ему так же к лицу, как миловидный белый фартук. За облачной лёгкостью романа сквозит не чёрная, но розовая меланхолия. Однако Вальзер записал это пустяковое повествование почти тайнописью: микроскопическим почерком на обрезках картона и обёрточной бумаги. А несколько лет спустя стал пациентом психиатрической лечебницы, в которой и провёл остаток жизни. На расшифровку микрограмм ушло пятнадцать лет труда четырёх филологов, и роман увидел свет только в 1972 году.

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Эрик Стенбок
ТРИУМФ ЗЛА

Граф Эрик Стенбок (1860–1895) происходил из шведско–немецкой аристократической семьи, владевшей обширными поместьями в Эстонии, но почти всю жизнь провел в Англии. Эксцентрик, опиоман, уранист, декадент, – Стенбок жил в мире грез, выбирался из дома только по ночам и не расставался с деревянной куклой, которую считал своим сыном. Он умер в первый день суда над Оскаром Уайльдом, и почти все экземпляры сборников его стихов и прозы были уничтожены родственниками после его смерти. Лишь в конце XX века музыкант Дэвид Тибет разыскал в архивах и издал «романтические истории» Стенбока. Они и вошли в эту книгу – первое собрание прозы графа Стенбока на русском языке.

Франсуа Жибо
НЕ ВСЕ ТАК БЕЗОБЛАЧНО

«Уже в детстве мне было легче общаться с Богом и мертвецами, чем с живыми», – признается Франсуа Жибо, французский писатель, известнейший адвокат, автор фундаментальной биографии Луи-Фердинанда Селина, коллекционер, меценат и, наконец, просто представитель парижского света.

Чтение романов Франсуа Жибо никому не наскучит – настолько далеки от обыденного унылого чтения эти живые воспоминания и свежие мысли.

Valeur actuelle

Пьер Гийота
МОГИЛА ДЛЯ ПЯТИСОТ ТЫСЯЧ СОЛДАТ

Публикация «Могилы для пятисот тысяч солдат» накануне майского восстания в Париже изменила направление французской литературы, превратив ее автора – 25-летнего ветерана алжирской войны Пьера Гийота – в героя ожесточенных споров. Сегодня эта книга, впервые выходящая в русском переводе, признана величайшим и самым ярким французским романом современности, а сам Гийота считается единственным живущим писателем, равным таким ключевым фигурам, как Антонен Арто, Жорж Батай и Жан Жене.

Альфред Дёблин

ПОДРУГИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2 • «Пирог на Дмитровке», ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1 • «Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 • «Фаланстер», Малый Гнездниковский переулочок д.12/27 • «Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького», Тверской бульвар, дом 25 • «У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15 • «Молодая гвардия», ул. Б.Полянка, дом 28. • «Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, дом 8 • «Букбери», Сеть книжных супермаркетов • «Москва», ул.Тверская, дом 8

в Санкт-Петербурге,
в магазинах торговой
сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

- «Ozon» – www.ozon.ru
- «Межкнига» – www.mkniga.ru
- «Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу
оптовых продаж
книг издательства
«МИТИН ЖУРНАЛ»,
«KOLONNA publications»
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ»,
телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте
наложенным платежом
редакция просит обращаться
по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет:
www.mitin.com

K O L O N N A P u b l i c a t i o n s :
Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 84 X108/32, объем 9,5 п.л.,
подписано в печать 15.11.2005 г.
Гарнитура Centurion. Тираж 1000 экз.
Заказ № 6921. Отпечатано с готовых
диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический
комбинат», г.Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон (0822) 44-42-15.
Интернет/ Home page - www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail) -
sales@tverpk.ru.